

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

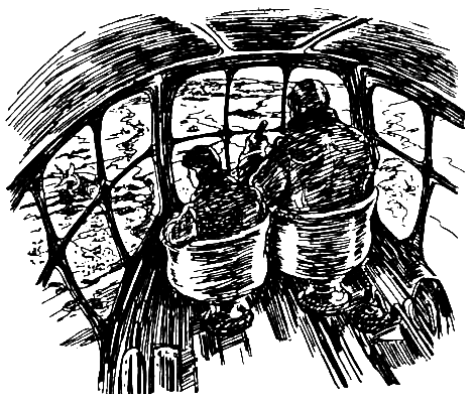
Н. ТРУБЛАИНИ

56-я ПАРАЛЛЕЛЬ

Научно-фантастическая повесть

Перевод с украинского

*Иллюстрации Е. Кияшко
и О. Александрова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2021

Єдинственная публікація:
журнал «ЗНАННЯ ТА ПРАЦЯ», 1939, № 1-12.

Перевод с українського:
1 и 2 часті – В. Тимошенко-Пастраки (2018)
3 часть – Н. В. (2020)

Упорядочена нумерація глав,
сбита в першопублікації.

Благодарность сайту «Аргонавти Всесвіту»
за публікацію оригіналу.

Текст нашел и возвратил читателям Николай Ковальчук.
Твір відшукав Микола КОВАЛЬЧУК, 2014.

(Науково - фантастична повість)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

РЕДАКТОР УЛЫБАЕТСЯ

В редакции научно-технического журнала «Заря» проходила встреча известного летчика Шелемехи с выдающимися учеными и исследователями. Шелемеха установил новый рекорд скорости, пролетев на самолете "НЗС" от Москвы до Владивостока за 15 часов. Славного летчика поздравляла вся страна: он получил десятки тысяч писем, телеграмм, сотни букетов, тысячи приглашений посетить разные предприятия, клубы, университеты, города; у него требовали: автограф, интервью, свиданий, кусочки его комбинезона, в котором он летел, карты, которыми он пользовался; его забросали вопросами, как он чувствовал себя в полете, что ел, спал ли, женат ли он и когда полетит на Южный полюс.

В редакцию «Зари» летчик приехал потому, что здесь собрались его близкие друзья — конструкторы самолетов, известные математики и физики, которых он знал, очень уважал и любил, а также другие ученые, которых он тоже уважал, но не знал лично.

Вечер-встреча проходила, как все такие вечера, очень интересно для присутствующих, радостно и кропотливо для организаторов и утомительно для героя, который был в центре всеобщего внимания.

Редактор журнала, провозглашая тост за необычайный успех Шелемехи, улыбаясь, сказал:

— Я хочу предупредить, что вашему рекорду грозит недолговечность. Вчера мы получили письмо от одного из наших читателей, ученика 6 класса, который сообщает, что у него есть проект, как провести грузовой поезд из Москвы во Владивосток за восемь часов.

Громкий смех покрыл слова редактора. Эта шутка всем понравилась.

— Что ж, — тоже смеясь, ответил Шелемеха, — тогда я провозглашаю тост за автора этого проекта и выражаю надежду на то, что, когда он вырастет и станет инженером, то сконструирует такой мощный и быстрый самолет, на котором действительно доставит из Москвы до Владивостока грузовой поезд за восемь часов.

В этот момент редактор заметил за одним из столиков невысокого человека, который, вытянув длинную шею, пристально смотрел на него глазами, спрятанными за стеклами сильных очков. Редактор узнал его, улыбнулся и приветливо кивнул головой. Но тот, казалось, не заметил кивка редактора, словно увлеченный какой-то необычной мыслью.

Через несколько минут невысокий человек встал и подошел к редактору.

— Здравствуйте, профессор! — поздоровался редактор. — Как вам нравится наша встреча?

— Хорошо, спасибо. Прекрасно... — И профессор на мгновение словно задумался, глядя сквозь очки куда-то в сторону, а потом сказал: — У меня просьба: покажите мне письмо мальчика.

— Какого? Того затейника, о котором я рассказывал? Пожалуйста... Но зачем оно вам? Вы же знаете, мы получаем множество разных проектов, из них бывают хоть чего-то стоящие лишь один на тысячу.

— А все же, я попросил бы вас.

Редактор позвал одного из сотрудников и поручил ему помочь профессору.

Встреча закончилась поздно. Когда гости расходились, редактор уже не увидел среди них профессора Довгалока. Тот покинул собрание раньше.

2.

БОТАНИК И ЕГО ДРУЗЬЯ

Профессор ботаники Аркадий Михайлович Довгалоук занимал маленькую квартирку на пятом этаже, под самой крышей, рядом с солярием. Солярием — небольшой площадкой на крыше — никто никогда не пользовался, и комендант дома позволил профессору занять его под коллекцию своих растений. За несколько лет солярий превратился в настоящий дендрарий. Между тем, обитатели дома совсем позабыли о солярии, и профессор пользовался крышей как своей собственной жилплощадью.

Но сменился комендант дома. Новый администратор, осматривая свое хозяйство, обнаружил на крыше два солярия: один совсем не обустроен, а второй занят цветником жильца А. М. Довгалока. Комендант немедленно сообщил Аркадию Михайловичу, чтобы тот освободил солярий от своих вещей и прекратил пользоваться крышей. Профессор заволновался, собрался было подать куда-то заявление, но пока солярий не освобождал. Наоборот, на 24 августа он пригласил к себе своих друзей и устроил в висячем садике собрание.

У Аркадия Михайловича было много друзей. Все они были значительно моложе него и были его бывшими учениками, слушавшими лекции по ботанике в школе или в университете, где преподавал профессор, и принимавшими участие в многочисленных экскурсиях и экспедициях, организованных им. Эти друзья имели самые разные специальности, преимущественно, очень далекие от ботаники, но любили своего профессора, который, кроме ботаники, интересовался многими другими науками, и охотно посещали его. С давних пор у них повелась традиция собираться по вече-

рам у профессора на чашку чая; назывались эти собрания «Вечерами фантазии».

На них они обсуждали самые разные проблемы науки и техники, обдумывали планы экскурсий или экспедиций профессора, вспоминали прошлые поездки, в которых принимали участие еще подростками или юношами.

В этот вечер первым появился молодой астроном Свеча, за ним врач Барабаш, потом географ Макуха, физик Гопп и, наконец, последними пришли инженеры Самборский и Макаренко.

— Именно вас-то я больше всех сегодня жду, — сказал им профессор, пожимая руки и указывая места за столом.

— Я думаю, — ответил Макаренко, показывая рукой на звездное небо, — что сегодняшней вечер фантазии должен начать астроном Свеча. Ему удобнее всего, пользуясь этими многочисленными маяками, повести наши мысли в космический океан.

— Нет, — ответил Аркадий Михайлович, — именно сегодня все зависит от вас. Мы высоко забираться не будем. Кажется, все собрались; итак, начнем. Прежде всего, прошу вас выслушать это письмо:

"Уважаемый товарищ редактор!

У меня есть проект, как сделать, чтобы поезд проходил путь от Москвы до Владивостока за восемь часов, а может и быстрее. Если вас интересует этот проект, то напишите, и я вам его вышлю. Сейчас не посылаю, потому что писал уже нескольким редакциям, но они либо не отвечают, либо пишут, будто мой проект фантастический и невыполнимый. Моя последняя надежда на вас. Иначе придется ждать, пока вырасту и закончу учебу.

Ученик 6 класса Староднепровской средней школы Тарас Чуть"

Прочитав письмо, профессор положил его на стол, снял очки, протер их и, прищулив глаза, посмотрел на своих друзей. Все молчали, ожидая, что скажет Аркадий Михайлович. Тот, помолчав, начал:

— Вы сами когда-то принадлежали к юным фантастам, и знаете мои симпатии к тем, кто выдумывает, кажется, невозможное, потому что смелая мысль — это то, что я больше всего ценю в людях. Подростки, еще не вооруженные знаниями, в этом особенно смелы, хотя по большей части их замыслы чересчур фантастичны, ошибочны, практически неосуществимы. Но не может быть ни великого инженера, ни выдающегося химика, ни знаменитого врача, если они не одарены способностью фантазировать...

— И превращать свою фантазию в действительность, — подсказал Барабаш.

— Совершенно верно. Мы об этом не раз разговаривали. Я перейду сразу к делу, не останавливаясь на общих рассуждениях. Я хотел познакомиться с этим парнем, конечно, не веря в его проект. Знакомство состоялось, и когда я выслушал Тараса Чутя, мне показалось, что он имеет право отстаивать возможность сверхбыстрого пассажирского и грузового движения в крупных размерах. Не будучи специалистом в области физики, механики и других наук, касающихся этого проекта, я решил собрать вас и услышать ваши мнения об этом. Лично мне кажется, что в принципе этот проект верен. Итак, позвольте...

В это время в солярии появилась новая фигура и перебила речь профессора.

— Гражданин Довгалоук, — послышался голос коменданта дома. — Я предлагаю вам и вашим гостям немедленно освободить крышу и забрать отсюда ваши цветы. Это мое последнее предупреждение.

Профессор оторопело посмотрел на коменданта, не зная, что ему ответить.

— А в чем дело? — спросил Самборский. — Что случилось?

— Я неоднократно предупреждал гражданина Довгалоука, чтобы тот освободил солярий, который ему не принадлежит.

— У вас же есть другой солярий, на другом конце дома... Вы же его не используете, — сказал, наконец, профессор.

— Мы и этот пока не собираемся использовать. Но это непорядок, что вы его заняли.

— Вы формалист, — рассердился профессор.

— Не ругайтесь. Даю вам пять минут, иначе приму меры.

— Слушайте, товарищ, — вмешался Макаренко, обращаясь к коменданту. — Теперь уже вечер, мы посидим здесь, а завтра вы окончательно выясните это дело. Не будьте бюрократом.

— Кто бюрократ? Я бюрократ? Вы меня обижаете! Я с вами не буду разговаривать. Пять минут! — комендант повернулся и вышел.

— Это возмутительно! — сердился профессор, но быстро успокоился и вновь вернулся к предыдущей теме.

— Итак, позвольте познакомить вас с мальчиком, Тарасом Чутем. Он здесь, у меня дома. Подождите минутку.

Профессор спустился вниз и вскоре вернулся на крышу вместе с мальчиком. За ними показалась голова коменданта, который громко сказал:

— Пять минут прошло! — и сразу исчез.

На коменданта никто не обратил внимания.

3.

«БАТОВИА»

Тараса Чутя прозвали в школе «сухариком». Этим прозвищем товарищи наградили его за маленький рост и необычайную сухощавость. Иногда его называли «зайцем» за длинные уши без мочек, но, кроме этих ушей, ничего заячьего во внешности он не имел.

Гости профессора с интересом разглядывали Тараса. Аркадий Михайлович предложил ему сесть и рассказать о своем проекте. Мальчик сел, но как только начал говорить, то снова вскочил. Он заметно волновался.

— Я предлагаю, — сказал Тарас, — построить тоннель от Москвы до Тихого океана. Тоннель должен по прямой спускаться к морю. Из него надо выкачать воздух. Если по такому тоннелю пустить поезд, то он по рельсам, идущим наклонно, будет катиться все быстрее и быстрее. Воздух не будет тормозить его движения и поезд не потребует затраты никакой энергии. Надо только сразу хорошо его толкнуть. Я считаю, что такой поезд может развить скорость более тысячи километров в час. Москва стоит выше двухсот метров над уровнем моря, а Владивосток — на берегу моря. И вот, из Москвы поезд выходит под землей, а во Владивостоке прибывает на поверхность. Можно такой же тоннель проделать так, что он будет идти наклонно под землей от Владивостока до Москвы, но тогда в Москве подземную станцию надо делать очень глубоко. Я нарисовал эти пути. Вот мои рисунки.

Тарас вытащил из кармана сверток, развернул его и положил на стол, показывая нарисованную им схему подземного пути. Слушатели склонились над столом, рассматривая схему.

— Это и есть весь ваш проект? — спросил Макаренко, который не решался даже пятилетним детям говорить «ты».

— Да.

— Значит, ты хочешь, — сказал Самборский, — проложить через четверть радиуса земного шара наклонную трубу, выкачать оттуда воздух и пустить по ней поезда?

— Да.

— Чуть ли не перпетуум мобиле, — пробубнил астроном.

— А скажите, вы подсчитали, какой наклон у вас будет от Москвы до Владивостока? На сколько снижается путь на протяжении одного километра? — спросил Макаренко.

— Нет.

— А можете это сделать?

— Могу. Надо поделить высоту на путь.

— То есть двести метров на... на... ну, пусть на восемь тысяч, хотя там почти девять... Так будет удобнее. Что получилось?

— Два с половиной сантиметра на километр, — ответил школьник.

— Маловато для такой скорости, о которой ты мечтаешь, — заметил Самборский.

— Так можно же подталкивать, — вмешался до сих пор молчавший Гопп. — Пустите поезд-трамвай, и он пойдет по такому пути с колоссальной скоростью и минимальной затратой энергии. Право, мне этот проект нравится.

— Вы представляете себе такой тоннель? — обратился к физику Самборский. — Тоннель более восьми тысяч километров длиной! Симплонский тоннель в Альпах, самый длинный на сегодняшний день в мире, имеет протяженность около двадцати километров. Строили его очень долго, и стоил он огромных денег. А вы хотите построить тоннель в четыреста или в пятьсот раз длиннее. Это слишком грандиозная задача! Это будет возможно через пятьсот лет! Может быть...

— Я с тобой не согласен, — перебил его Макаренко. — Для нашей техники в принципе это вполне возможно.

— Да представляешь ли ты, сколько почвы пришлось бы выбрать, пробивая такой тоннель? — воскликнул Самборский.

— Можно подсчитать.

— Двести миллионов кубометров, — ответил за Макаренко Тарас, — я уже подсчитывал.

— Молодец! — похвалил парня инженер.

— На строительстве Панамского канала было выбрано двести двенадцать миллионов кубометров грунта, — вставил Макуха.

— Не может быть! — возразил Самборский.

— Факт, — возмутился географ. — Везде в литературе об этом упоминается.

— Я не о Панамском, — досадуя, качнул головой Самборский, — я о нашем тоннеле.

— Ну, это тоже факт, — засмеялся Макаренко. — Парень не сильно ошибся. Но пусть даже вдвое, втрое больше, все же это ненамного.

— А рельеф местности? Надо же прокладывать под высокими горами и под таким глубоким озером, как Байкал, а его глубина, как вам известно, более полутора километров, к тому же это озеро выше уровня моря на полкилометра...

— Ровно на четыреста пятьдесят три метра, — перебил Макуха.

— Пусть и так, но это значит, что тоннель надо прокладывать сквозь озеро на три четверти километра ниже его поверхности и на три четверти километра выше дна. А вечная мерзлота? А землетрясения?

— Не спеши. Лучше взглянем на карту и выясним точно.

— Аркадий Михайлович, можно достать у вас физическую карту Советского Союза?

— Пожалуйста, у меня в кабинете. — Профессор поднялся с места.

— Не беспокойтесь, Аркадий Михайлович, — и Макаренко ушел сам.

Только профессор сел снова, как инженер вернулся и спросил:

— А скажите, ключ у вас есть?

— Какой ключ? — удивился профессор.

— Да тут дверь заперта, выйти нельзя.

Аркадий Михайлович не поверил. И, подойдя к двери, несколько раз дернул за ручку. Но дверь не открывалась. Комендант дома, выполняя свои угрозы, запер ее.

Все были возмущены, только Макуха почти равнодушно отнесся к этому.

— Я немного знаю местность, о которой идет речь, — сказал географ, — и могу рассказать о том, что вы собираетесь увидеть на карте.

— Ну, пусть так. В конце концов, он когда-нибудь все-таки откроет дверь и выпустит нас, — решил профессор. — Возвращаемся на свои места и послушаем географа.

Макуха потер пальцем кончик носа и начал:

— Я уже думал о направлении этого туннеля. Я назвал бы этот путь... объединив греческий и латинский языки — «батовиа», что в переводе означает подземный, глубинный путь. По моему мнению, для этого лучше всего выбрать пятьдесят шестую параллель. Тоннель начнется от Москвы, чуть севернее Щелковского аэродрома. Здесь пятьдесят шестая параллель проходит. На своем пути она пересекает реки: Оку, Волгу, Вятку и Каму. Высота Уральских гор на

пятьдесят шестой параллели не превышает пятисот метров над уровнем моря. Разве только кое-где. Далее идет Западно-Сибирская низменность с реками: Тоболом, Ишимом, Иртышем и Обью. За Обью встретятся отроги Саянского хребта. Теперь суша начинает значительно возноситься вверх. Перейдя Енисей, Ангару и Лену, пройдем почти мимо северного берега Байкала. Отсюда начинается гористая, малоисследованная местность с хребтами Станового водораздела. Они тянутся до самого Охотского моря. Высота этих гор не больше двух тысяч метров над уровнем моря. Наш путь заканчивается на берегу Охотского моря, чуть севернее Шантарских островов. От Владивостока выход отстоит не больше чем на тысячу километров, а от Николаевска-на-Амуре — километров на триста-четырееста. Таким образом, мы минуем глубоководный Байкал и пройдем по местности, где вечная мерзлота останется высоко над нашим тоннелем, а землетрясения наблюдаются чрезвычайно редко и, обычно, небольшой силы.

— Чудесно! — заявил Макаренко. — Этот тоннель не только свяжет кратчайшим и самым быстрым путем европейскую часть Советского Союза с Дальним Востоком, но и оживит безлюдное побережье Охотского моря.

Самборский молчал. Он что-то обдумывал.

— Надо все точно подсчитать, — сказал он наконец. — Дайте мне на это два дня.

Поговорив еще немного, гости профессора решили, что в течение двух дней каждый из них будет обдумывать проект Тараса Чутя, а инженеры и физик сделают, кроме того, необходимые подсчеты. Затем все соберутся и окончательно решат, можно ли осуществить этот проект.

Настало время покидать гостеприимный дендрарий профессора Довгалюка. Но двери все еще были заперты, и ни на стук, ни на зов комендант дома не появлялся.

НОЧЬ НА УЛИЦЕ КРАСНЫХ БОТАНИКОВ

— Что же нам делать? — спросил профессор.

Шел второй час ночи. С крыши виднелся спящий город, бледные фонари освещали пустую улицу Красных Ботаников, на которой стоял дом. Глубоким провалом чернел двор перед домом.

— Чья же это затея? — поинтересовался астроном.

— Бесспорно, коменданта, — возмущенно сказал Макаренко.

Барабаш и Макуха смеялись, предлагая ночевать на крыше и поручить Свече охранять их сон, а заодно и изучать звездное небо.

— Смех смехом, — недовольно ворчал Самборский, — а мне завтра утром на работу надо.

Снова начали стучать в дверь и звать на подмогу, но ничего не помогало. Какой-то одинокий прохожий задрал голову, глянул с противоположного тротуара на крышу, однако на возгласы, обращенные к нему, не ответил, а только быстрее зашагал дальше своей дорогой.

Постояли, походили по солярию еще минут двадцать, соображая, как выйти из этого положения. Конечно, они могли бы поднять такой шум, что разбудили бы не то что весь дом, но и всю улицу, но присущая им скромность и нежелание стать мишенью для шуток сдерживали их.

Наконец Самборский предложил спуститься вниз по водосточной трубе. Сначала предложение отвергли, но потом все серьезнее начали его обсуждать, и все, кроме профессора, согласились, чтобы Самборский, неплохой спортсмен, попытался проделать это опасное путешествие. Аркадий Михайлович, напротив, возражал против "этой безумной выходки", как он назвал замысел инженера. В конце концов, профессор согласился, когда решили из разных обрывков, найденных на цветниках, связать веревку, чтобы привязать ее для безопасности к Самборскому.

— Смотри, чтобы тебя не приняли за вора, — сказал Барабаш, — а то вместо помощи нам попадешь в милицию, и мы зря будем ждать.

Инженер скинул пиджак, снял ботинки, обвязался на всякий случай веревкой, перелез через низенькие перильца и оказался на водосточной трубе. Затем, обхватив ее ногами и почувствовав, что держится крепко, отвязал веревку и быстро начал спускаться между окнами и балконами пяти этажей. Спуск занял минуты три, и вот он уже коснулся ногами земли. Выпустил из рук трубу, обернулся... и увидел перед собой милиционера.

«Барабаш напророчил, — мелькнула у инженера мысль, — прямо в объятия...»

— Вы, гражданин, из солярия? — спросил милиционер.

— Да... А откуда вы знаете? — удивился инженер. — Может, я из чужой квартиры?

— Нас предупредили о чьей-то хулиганской выходке, и я вот иду выручать вас.

— Кто предупредил?

— По телефону...

— Так пойдемте скорее, а то, знаете... И мое, и их положение, — Самборский показал рукой вверх, — довольно неудобное.

Поднявшись на пятый этаж, они увидели там мужчину, который сидел на стуле перед запертой дверью и с видом полнейшего равнодушия курил папиросу. Увидев милиционера, мужчина поднялся и вопросительно посмотрел на непрошенных гостей.

— Вы кто такой, гражданин? — спросил милиционер.

— Комендант дома, Иван Семенович Черепашкин. Очень рад, что вы пришли. Мне надо задержать группу нарушителей общественного порядка и составить на них акт.

— Идиот, — прошептал инженер и обратился к милиционеру. — Прикажите ему открыть дверь. Это он запер нас в солярии.

— Товарищ милиционер, те граждане, что там заперты, не подчиняются распоряжениям домоуправления. Против них надо принять решительные меры.

— Открывайте, — приказал милиционер, — там разберемся.

Короткая летняя ночь уже кончалась, когда все поднялись со своих мест. Черепашкин-таки добился, чтобы был составлен протокол, который в итоге все подписали, кроме самого коменданта, который не соглашался с формулировкой «преступления гражданина Довгальюка и его знакомых».

— Кто же вам звонил о нашем приключении? — спросил на прощание профессор милиционера.

— Не знаю. То ли женский, то ли детский голос сказал, что здесь заперли людей. Именно я взял телефонную трубку. Спросил, кто звонит. Тот назвал свою фамилию, но я не разобрал. Тогда доложил дежурному по району, и он послал меня проверить.

— Интересно, кто бы это мог быть? — возвел глаза на милиционера профессор. — Не помните? На что его фамилия похожа?

— Какой-то Гуть... Буть... Муть... Не могу сказать.

— Чуть?! — вскрикнул физик. — Тарас Чуть?

Только теперь все обратили внимание, что с ними нет мальчика. Начали искать повсюду, но Тарас Чуть исчез без следа.

Так и разошлись, не найдя мальчика.

5.

ДОКЛАД ДВУХ ИНЖЕНЕРОВ

Редактор журнала «Заря» Антон Павлович Черняк держал локти на столе, подпирая руками подбородок, и слушал. Докладывал инженер-строитель Самборский. Члены научного комитета новейших сооружений, соблюдая абсолютную тишину,

проявляли чрезвычайное внимание к словам выступающего.

Прошел всего месяц после знаменитого заседания в солярии дома № 3 по улице Красных Ботаников, а вопрос о подземных безвоздушных путях и ультрабыстром движении по таким путям уже готовился для доклада правительству. Научный комитет новейших сооружений был последней инстанцией, после которой этот вопрос должно было рассматривать правительство. Собственно, все члены комитета уже ознакомились с проектом, который составили инженеры Самборский и Макаренко. Проект был разработан в общих чертах, но давал четкое представление о построении подземного пути от Москвы до Дальнего Востока. Главное — были проработаны принципиальные вопросы. Все это объясняла докладная записка, которую члены комитета читали; теперь же происходила, так сказать, публичная защита проекта Тараса Чутя перед выдающимися учеными и техниками страны. Значительная заслуга в том, что проект быстро попал на рассмотрение соответствующих инстанций, была и редактора журнала «Заря». Поэтому понятно было его присутствие на этом заседании. Непосредственно связываясь со многими учеными, он сумел очень быстро ознакомить их с проектом, и добился быстрой передачи его на рассмотрение комитета.

Самборский заканчивал свой доклад:

— Я изложил наши взгляды на осуществление идеи Тараса Чутя. В частности, мне пришлось отстаивать возможность прокладки тоннеля и выкачивания из него воздуха. Мы пришли к окончательному выводу, что объем грунтовых работ составит около одного миллиарда кубометров при диаметре тоннеля 13,8 метра. Конечно, круглая форма будет самой лучшей, но для поездов она не совсем удобна, а потому внутри тоннель будет иметь немного другую форму. Его высота будет достигать 6,8 метра, а ширина — 8 метров. Собственно, это будет труба со стенками толщиной от 2,9 до 3,5 метров. Оболочка туннеля, то есть стены этой трубы, будет состоять из четырех различных слоев: бетон, железобетон, сталь-чугун и сталь. Эти прослойки полностью защи-

тят туннель от любых повреждений снаружи. Нам придется построить на протяжении туннеля около двух тысяч шахт, чтобы иметь возможность проводить туннельные работы на всем пути одновременно. Опыт наших горных инженеров обеспечивает выполнение этих работ быстро, надежно и дешево. Конечно, строительство потребует колоссального количества материалов и людей. Для того, чтобы в течение двух лет закончить туннель, потребуется полтора миллиона человек, которые будут непосредственно работать на стройке. Получится чуть более четырех метров на одного. Не менее двух миллионов человек будет занято на производстве материалов. В Сибири придется создать специальные металлургические и другие заводы, которые будут работать исключительно для нужд строительства туннеля. Но эти колоссальные затраты вполне оправдаются; в этом убеждают нас консультации с экономистами и стратегами, которые изучали наш проект.

Вторым докладывал инженер-энергетик Макаренко. Он рассказал о своих подсчетах, сколько необходимо электро-

энергии для обслуживания как поездов в тоннеле, так и компрессоров для непрерывной откачки воздуха. По мнению Макаренко, тоннель должен иметь пять мощных электростанций с линиями высоковольтных передач на расстояние до семисот километров. Новейшие изоляционные материалы позволяют осуществлять передачу энергии по кабелям, прокладываемым под землей.

— Вы видите из нашего проекта, — говорил Макаренко, — что намеченные станции имеют немного необычный вид. Эти гидро- и теплоэлектроцентрали расположены под землей. Это, так сказать, соответствует идее нашего основного строительства, то есть туннелю. По каким причинам мы предлагаем именно такие станции? Мы исходим из того положения, что пока существуют на земном шаре империалистические государства, до тех пор мы не лишены угрозы военного нападения на нашу страну. Авиация врага может сбросить колоссальное количество взрывчатых веществ на надземные здания и уничтожить их. Но сооружения, спрятанные глубоко под землей, остаются в полной безопасности. Наши электростанции мы спрячем очень глубоко. Даже бомба весом в сто тонн не причинит нам никакого вреда.

Из проекта вы видите, что построение такого тоннеля требует колоссального количества электроэнергии, и тем самым ставит на реальную почву проблему Ангарстроя. Потому что, если раньше вопрос о создании этого огромного комбината электростанций упирался в невозможность найти потребителей в районе реки Ангары на десять миллионов киловатт энергии, то теперь таким потребителем будет комплекс подземных электропутей и связанных с ним предприятий. В число подземных электростанций мы включили довольно оригинальную гидроцентраль, намереваясь использовать воды озера Байкал. Надо создать подземную реку, которая будет вытекать из Байкала на глубине приблизительно 50 метров. Эта подземная река будет иметь водопад высотой сто — сто пятьдесят метров. Собственно говоря, мы создадим подземную Ниагару, пользуясь тем, что уровень воды в Байкале на 453 метра выше уровня океана. Это

сделать тем легче, что именно здесь на значительных глубинах нам будут способствовать геологические условия.

Я думаю, что смелая идея Тараса Чутя имеет все основания, чтобы воплотиться в жизнь, и приобретает такое колоссальное значение, о котором мальчик даже не представлял.

Члены комитета выслушали доклады обоих инженеров и обменялись мнениями.

Никто не отрицал, что замысел интересен и в принципе вполне возможен, но кое-кого пугала грандиозность строительства. Все же черновик проекта был одобрен «в основном», и было решено доложить правительству о том, что прокладка тоннеля возможна.

По окончании заседания Черняк подошел к докладчикам, поздравил их, пожал им руки и спросил:

— А что известно о Тарасе Чуте? Нашелся, наконец, мальчик?

— Сегодня Аркадий Михайлович должен вернуться из Староднепровска, — сказал Макаренко. — Надеюсь, он привезет хорошие вести.

— Вы увидите профессора?

— Бесспорно.

— Обязательно созвонитесь со мной.

— Конечно.

6.

ПРОФЕССОРА ВЫЗЫВАЮТ

Профессор Довгальук приехал домой расстроенный. Он побывал в Староднепровске, нашел родителей Тараса Чутя и застал их в горе, потому что они уже потеряли надежду когда-либо снова увидеть своего мальчика. Полтора месяца назад Тарас исчез, как указывали материалы специального расследования, на пути между столицей и Староднепровском. Об этом свидетельствовало письмо, полученное профессором на другой день после совещания в солярии. В

письме Тарас писал, что он спустился по водосточной трубе с крыши на улицу, никому ничего об этом не сказав. Мальчик просил простить его за этот поступок, а также за то, что уезжает домой, не попрощавшись. Он объяснял это тем, что, слушая разговоры знакомых профессора, чувствовал себя очень неловко, потому что не смог отстаивать свой проект и убедился, что это вовсе не проект. Ведь он даже не представлял себе тех трудностей, о которых говорили инженеры. Он очень благодарен им за сочувственное отношение к нему, и за то, что они резко не критиковали его, а, наоборот, пытались утешать его тем, что обещали подумать над проектом. Но теперь ему стало понятно, что проект пока неосуществим. Он решил вернуться домой, продолжать учиться, чтобы, впоследствии, стать инженером, чтобы в будущем самому, самостоятельно, разработать такой проект.

"Замечательный мальчик", — подумал тогда профессор, улыбаясь.

Из того же письма Аркадий Михайлович узнал, что именно Тарас сообщил в милицию о происшествии в солярии. Штмп на конверте гласил, что письмо брошено в ящик почтового вагона Староднепровского поезда. Это подтверждало пребывание Тараса в этом поезде.

После получения этого письма профессор немедленно написал мальчику в Староднепровск, но ответ пришел от его отца, который писал, что Тарас домой не вернулся. Дня через два спустя приехал и сам отец Тараса. Мальчика искала милиция, о нем давали объявления, но никаких известий о том, куда он исчез, никто не получил. Отец вернулся домой. В Староднепровске продолжались розыски.

Чтобы узнать о ходе следствия, Аркадий Михайлович специально съездил туда, но вернулся обратно безо всяких сведений о юном фантасте, замысел которого стоял на пороге своего осуществления. Об идее Тараса Чутя уже вовсю говорили выдающиеся ученые, над ней работали опытные инженеры, и в недалеком времени проект осуществления замысла мальчика должен был быть доложен правительству, но где был сам автор этой идеи, никто не знал.

С такими мыслями сидел Аркадий Михайлович у себя дома, когда к нему приехали Самборский и Макаренко. Инженеры поспешили к своему старому другу сразу после заседания комитета.

Их первые вопросы были о поездке профессора. Узнав о неутешительных вестях, они были расстроены, но спешно должны были возвращаться в свои кабинеты, чтобы закончить сопроводительную записку к проекту, который в ближайшие дни должен был быть подан на рассмотрение правительства. Они коротко рассказали о результатах заседания и попрощались с профессором. Только инженеры вышли из квартиры, как зазвонил телефон.

Аркадий Михайлович снял трубку и произнес свое обычное в таких случаях:

— Да-а-а?

— Квартира профессора Довгалока? — спросил женский голос.

— Да.

— Профессора можно попросить?

— Я слушаю.

— С вами говорят из 26 районной хирургической больницы. У нас второй месяц лежит тяжелораненый ребенок. Только сегодня к нему вернулась память, и он назвал вашу фамилию. Никого из родных или знающих его мы до сих пор не нашли, и поэтому только сейчас можем вам сообщить.

— Как его зовут? – волнуясь, вскричал профессор.

— Андриан Маковский.

Несколько секунд профессор молчал. Наконец, тихо проговорил:

— Я такого не знаю...

— Но он назвал профессора ботаники Аркадия Михайловича Довгалока и, к сожалению, после этого снова потерял сознание. Он очень тяжело ранен, но мы совершенно уверены, что нам удастся спасти ему жизнь.

— Кто со мной говорит?

— Врач Корсакова.

— Хорошо! Через час я приеду к вам. — Профессор повесил телефонную трубку.

7.

АНДРИАН МАКОВСКИЙ

Профессор Довгалоук задумался. Никакого Андриана Маковского он не знал, но эту фамилию как будто бы где-то видел. Собираясь ехать в больницу, он одевался очень медленно, потому что глубоко задумался, отыскивая в памяти это незнакомое имя, и когда уже надел шапку, вдруг вспомнил. Да, действительно, эта фамилия ему уже встречалась. Не далее, как вчера, перелистывая газету, он остановился на объявлении, и там имя Андриана Маковского попало ему на глаза.

Аркадий Михайлович вернулся в кабинет и стал искать вчерашнюю газету, но не нашел ее и, с мучительной мыс-

лью о том, кто такой Андриан Маковский и откуда он знает его, Аркадия Михайловича, вышел на улицу.

Демидовская 26 районная хирургическая больница находилась далеко за городом, километрах в десяти от ближайшей трамвайной остановки. Она располагалась вблизи железной дороги, и туда можно было попасть либо пригородным поездом, либо автобусом.

Аркадий Михайлович отдал предпочтение последнему и, недолго постояв в очереди, оказался в углу большого зеленого автобуса, полного дачников и колхозников из пригородных сел.

В автобусе качало и подбрасывало, но вскоре профессор добрался до больницы, которая возвышалась красным трехэтажным домом среди небольшого зеленого парка.

В больших железных воротах больницы Аркадий Михайлович нашел маленькую дверку и прошел в нее, никого не встретив. Привратника здесь либо не было, либо тот не очень усердно выполнял свои обязанности.

Лишь взойдя по широкой серой лестнице и отворив дверь в вестибюль, профессор нашел там швейцара и нескольких пациентов. Почти одновременно из покоев больницы в вестибюль вышла сестра. Аркадий Михайлович спросил ее, где он может видеть врача Корсакову.

— Вы профессор Довгалоук? — спросила сестра.

— Да. Меня просили приехать.

— Мы вас с нетерпением ждем.

Услышав этот разговор, к ним приблизился один из посетителей, безусый юноша, сидевший в вестибюле.

— Я тоже вас жду, — сказал он Аркадию Михайловичу.

— Моя фамилия Маковский, — добавил он, когда заметил удивленный взгляд профессора. — Андриан Маковский. Меня вызвал главный врач по поводу моего паспорта.

— Какого паспорта? — еще больше удивляясь, спросил Аркадий Михайлович.

— Я потерял паспорт. А может быть, его у меня украли. Вчера об этом было объявление в газете, а сегодня мне позвонили по телефону, вызвали сюда и сказали здесь ждать вас.

Теперь профессор понял, где в газете он видел фамилию Андриана Маковского, но сестра его торопила.

— Снимайте пальто, надевайте халат и пойдемте в палату. Врач ждет вас возле больного.

Она провела профессора по лестнице на второй этаж и в конце длинного широкого коридора распахнула дверь с номером «32».

— Заходите в палату, — пригласила сестра.

В комнате стояло три кровати, две были застелены, а на третьей лежал больной. Возле него сидела русая женщина в халате. В открытое окно заглядывали листья высоких деревьев и доносились ароматы цветов из сада. Женщина обернулась, внимательно посмотрела на Аркадия Михайловича, протянула ему руку и сказала:

— Здравствуйте, профессор! Я не видела Вас лет десять, но сразу узнала: когда я училась в школе, вы преподавали нам ботанику. Прошу, подойдите к больному и взгляните на него. Он без сознания.

Довгальок внимательно посмотрел на врача, но сразу не смог вспомнить свою бывшую ученицу, да и цель его приезда была другой. Он перевел глаза на кровать, где лежал весь забинтованный больной, едва прикрытый тонкой и короткой простыней.

Профессор отчасти видел, отчасти угадывал, где белая марля укрывала голову, руки и ноги. Пройдя еще два шага вперед, он, остановившись, наклонился над больным. Закрытые глаза, курносый бледный нос, тонкие крепкие сжатые губы напоминали Тараса Чутя, но все выражение лица было какое-то слишком отличающееся от того, каким представлял его себе по памяти профессор. Возможно, болезнь изменила его лицо. Несколько секунд Аркадий Михайлович стоял в нерешительности. Потом взглянул на врача и попросил:

— Покажите мне его уши.

Когда тонкие длинные пальцы врача нежно загнули марлю, и из-под нее выглянули заячьи, без мочек уши, профессор убедился, что перед ним его бывший юный

гость, который так неожиданно исчез по пути в Староднепровск.

— Это он!.. Он, он!.. — сказал взволнованный Аркадий Михайлович.

— Вы его знаете? — прорычала сестра, стоявшая рядом.

— Это Тарас Чуть, — ответил профессор, не спуская глаз с больного.

— Так он не Андриан Маковский? — спросил доктор.

— Нет, можете паспорт вернуть его владельцу. Хотя... подождите. Расскажите мне, в каком он состоянии и как попал к вам... Надо сообщить родителям...

— Присядьте, профессор! — врач поставила ему стул у кровати.

— Спасибо. Очень прошу, товарищ Корсакова, расскажите, что с ним.

— Состояние его тяжелое, но не безнадежное, хотя первые дни мы почти не верили, что он выживет. Его доставили к нам с разбитой головой и пробитой грудью. Кроме того, у него оказался вывих обеих ног, левой руки и около полусотни синяков и царапин. Его нашли вблизи железнодорожной насыпи возле маленького каменного мостика по пути в Киев. Возможно, он упал с этого мостика, а может, выпал из поезда. В сознание не приходил, хотя мы трижды делали ему операцию. Лишь в последнюю ночь впервые очнулся на несколько минут... Нет, не так... Он в первый раз произнес только несколько связных слов. Это скорее был бред, но он звал вас. Я была при этом и сразу же позвонила вам. Мы совсем ничего о нем не знаем, но прилагаем все усилия, чтобы спасти ему жизнь, и есть уверенность, что это нам удастся. Мы считали, что это некий Андриан Маковский, потому что нашли при нем паспорт. Адресный стол дал справку, что Андриан Маковский действительно проживал в нашем городе, но выбыл в неизвестном направлении. Вчера же мы прочитали в газете объявление о утерянном паспорте на имя Андриана Маковского с его адресом, и пригласили владельца паспорта сюда.

— Я уже видел его в вестибюле, — сказал профессор.

— Значит, мы можем вернуть ему паспорт?

— Да. Но лучше передайте это дело в милицию или прокуратуру. Этот мальчик, — Аркадий Михайлович показал на Тараса, — не занимался хищением чужих паспортов, да и собственного не имел, потому что ему всего четырнадцать лет. Тут, наверное, имеет место какое-то преступление. Но я очень прошу вас — обязательно спасите ему жизнь, поставьте его на ноги.

В это время больной застонал, и врач повернулась к нему.

Тарас открыл глаза, увидел профессора, и на его лице вспыхнула искра радости, но сразу же веки его вновь сомкнулись, и он опять застонал.

— Он узнал вас, — сказала Корсакова.

8.

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР

День 6 ноября, как обычно, выдался суматошным и хлопотным. На улицах празднично одетая толпа, в магазинах не протолкнуться, трамваи и автобусы переполнены, возле стоянок такси длиннющие очереди пассажиров. Аркадий Михайлович не любил предпраздничные дни за эту шумность, и поэтому с самого утра сидел дома, дожидаясь вечера, когда город раскрасится иллюминацией. Только тогда он собирался выйти на прогулку. В течение целого дня он дожидался телефонных звонков от Самборского и Макаренко, но никто из них не напомнил о себе.

Лишь стало смеркаться, как профессор вышел на любимую прогулку по центральным улицам. Он шел, не торопясь, то проталкиваясь в толпе, то пытаясь двигаться по течению, а иногда, выбрав удобное место, останавливался и, опершись на трость, рассматривал гирлянды разноцветных электрических лампочек, сверкающие красные звезды, мерцающие фигуры, которые то появлялись, то исчезали на стенах высоких домов, красочные праздничные лозунги,

портреты и, позже вечером, золотой дождь фейерверков над скверами.

Идя по радостному городу, он с сожалением думал о том, что Тарас не мог сопроводить его в этой прогулке. Тарас все еще лежал в больнице. Аркадий Михайлович часто его навещал. Мальчик, хоть и медленно, но выздоравливал, но врачи еще запрещали ему разговаривать. Профессор с нетерпением ждал того дня, когда можно будет начать с Тарасом долгий разговор, рассказать ему о проекте глубинного пути и услышать о том, что на самом деле произошло 25 августа.

С прогулки Аркадий Михайлович вернулся около одиннадцати вечера. В прихожей его встретила старенькая мать и пожаловалась:

— Уже с час телефон у нас не унимается. Все звонят и тебя спрашивают.

— А кто звонил?

— Да всех и не упомяну. Звонили эти парни несколько раз, как их... Макаренко и Самборский. Звонил какой-то редактор, звонил врач...

Она не договорила, потому что из кабинета донесся звонок телефона и профессор, не снимая пальто, бросился туда.

— Аркадий Михайлович? — послышался в трубке голос Макаренко.

— Да, да, Миша! Я. Что нового?

— Ура!

Это "ура" так громко прогремело, что профессор даже невольно отодвинул трубку от уха.

— Аркадий Михайлович, — говорил Макаренко, — есть постановление правительства! Сегодня принято. Принципиально замысел одобрен. Приказано работать над проектом и определен срок начала строительства.

— Когда?

— Первого мая. На подготовительные работы дано только полгода. Начальником строительства назначен академик Саклатвала. Я и Самборский — его помощники. Антон по туннельному снаряжению, а я по электрификации.

— Поздравляю, поздравляю!..

— Так же можете поздравить и себя.

— Бесспорно, потому что я рад вашему успеху.

— Нет, не только поэтому. Тем же постановлением при начальнике строительства создан совет, а в состав совета назначили также и вас.

— Но ведь я не техник.

— Это не страшно. Правительство рассмотрело вашу роль в этом деле и оценило ее. Начало положено было вами.

— Оставьте шутки! Начало положено было не мной, а Тарасом...

— Знаю, знаю. И в правительстве знают. Официально проект будет называться теперь проектом подземного пути Тараса Чутя.

— Рад за Тараса. Советую вам завтра, вместе с Антоном, заехать ко мне, и мы съездим в больницу к Тарасу.

— Хорошо, Аркадий Михайлович! А пока спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

9.

РАССКАЗ ТАРАСА

На следующий день, 7 ноября, по окончании парада и демонстрации, открытое синее авто, которое принадлежало Макаренко, медленно продвигалось по переполненным людьми улицам, пытаясь выбраться за город. За рулем машины сидел владелец автомобиля, за ним, облокотившись на мягкие подушки, расположились Аркадий Михайлович и Самборский.

Хотя стояла поздняя осень, но день выдался на удивление теплый, солнечный, прозрачно-легкий. Когда машина оказалась за городом, и Макаренко погнал ее со скоростью 90 километров в час, пассажиры только тогда почувствовали резкую бодрящую прохладу сильного потока воздуха. Расстояние от города до больницы проехали за несколько минут, и вскоре остановились перед воротами, которых никто

не открывал, хотя инженер давал длинные гудки. Но вот из калитки выскочил маленький мужичок и возмущенно закричал на шофера, что он, мол, нарушает тишину и покой в зоне больницы. Инженер попросил прощения и поинтересовался, можно ли открыть ворота, на что получил ответ, что ворота открывают только для больных, посторонние машины на территорию больницы не пропускаются, чтобы не нарушать тишины и покоя.

Машину оставили под присмотром сторожа, и все трое двинулись пешком к главному входу.

Это был радостный день. Тарас Чуть встретил своих друзей, сидя на кровати. Со всех сторон ему подоткнули подушки, на голове еще была повязка, но бледное его лицо весело улыбалось. У него сегодня это было уже второе посещение. Утром его навестили отец с матерью, приехавшими из Староднепровска.

Мальчик уже давно начал выздоравливать, но врачи запрещали ему разговаривать. Так же не позволяли посетите-

лям рассказывать Тарасу о таких событиях, которые могли бы его взволновать. Сегодня с этим запретом было покончено.

Возле больного находились, кроме профессора и инженеров, также врач Корсакова и следователь областной прокуратуры Томазян. Гости понимали состояние мальчика и старались не утомлять его, но сегодня они должны были узнать о том, что больше всего их интересовало: как Тарас оказался под насыпью железнодорожного пути, который вел на Киев.

Очень скоро разговор перешел именно на это.

Тарас, когда его спросили об исчезновении из солярия и о дальнейших приключениях, прикрыл глаза, помолчал почти минуту, словно восстанавливая в памяти какие-то давние события, затем обвел взглядом своих гостей и начал:

— Я очень хорошо помню, как спускался с пятого этажа на улицу и как позвонил в милицию о том, что вас заперли в солярии. Перед тем, как звонить, я долго просматривал телефонный справочник, пока нашел нужный отдел милиции. Очень извиняюсь за то мое исчезновение. Я никак не думал, что мое предложение о тоннеле без воздуха было так несерьезно. Прошу простить, что отнял у вас дорогое время. Мне было стыдно. Кажется, в тот самый день я послал вам письмо, профессор?

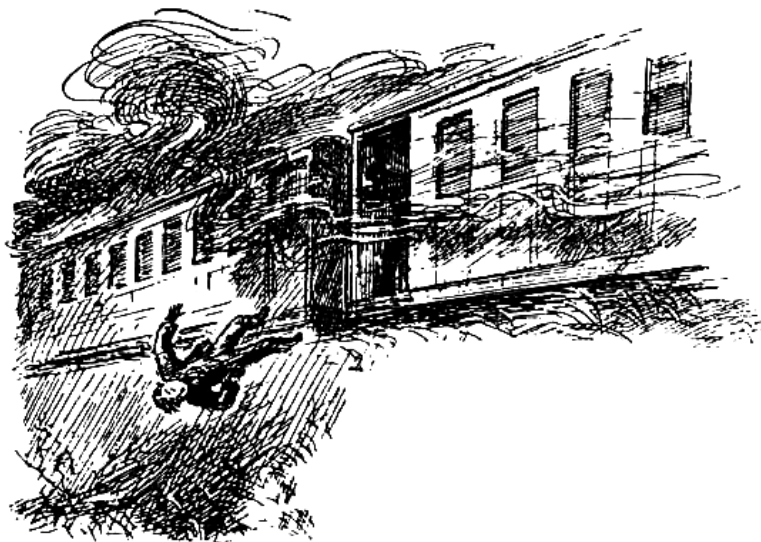
— Да-да... — пробормотал Аркадий Михайлович.

В глазах инженеров промелькнула добрая улыбка, а врач чуть удивленно следила за рассказом мальчика. Лишь следователь сохранял полнейшее спокойствие и слушал очень внимательно.

— В тот же день, — продолжал Тарас, — я купил билет до Староднепровска. Поезд отходил вечером, и мне пришлось долго просидеть на вокзале. В киоске я купил несколько технических книжек, и, ожидая поезда, читал их. Позже ко мне подсел какой-то человек и попросил книжку, сказав, что ему скучно дожидаться поезда. Я дал ему книжку. Он пролистал ее и спросил, куда я еду. Когда узнал, что в Староднепровск, то очень обрадовался, потому что оказа-

лось, что он тоже туда ехал. Потом он попросил, чтобы я посмотрел за его вещами, и ушел в город. Появился он только под вечер и сказал, что в киевском поезде есть вагон на Староднепровск, которым очень удобно ехать, и предложил сменить билеты на тот вагон. Я согласился. Он взял мой билет, пошел к кассе и скоро вернулся, сказав, что с билетами все в порядке и что надо спешить на платформу, потому что поезд сейчас отходит. Мы почти выбежали из вокзала. Действительно, поезд уже трогался, и пришлось вскочить в него на ходу. Мой спутник показал проводнику билеты. Оказалось, что наш вагон третий, и проводник посоветовал перейти туда на первой же остановке. Сначала мой новый знакомый согласился, а потом предложил идти через вагоны, на ходу поезда. Мы пошли. Шли не очень быстро, потому что мешал чемодан моего спутника. Когда переходили из одного тамбура в другой — яростно свистел ветер, мелькали в сумерках кусты, деревья, поля.

Мне трудно вспомнить, где это именно произошло... Знаю, что в одном тамбуре была открыта дверь... Здесь мы остановились. Тот мужчина, что шел со мной, поставил чемодан, потому что, мол, устал, выглянул в дверь, глянул

вперед поезда и сказал про чудесный пейзаж. Я подошел и выглянул... Еще помню, он спросил меня: "Тебя зовут Тарас Чуть?" Вероятно, я ответил ему, что да... Но больше ничего не помню. Видимо, тогда я и упал с поезда.

Тарас умолк. Все ждали, что он что-то еще скажет, но мальчик молчал. На его лице отражалась усталость.

— Ну, на сегодня достаточно, — сказала Корсакова. — Завтра можно будет продолжить разговор.

— А нам ничего нельзя ему рассказать? — спросил Аркадий Михайлович.

— Вам?.. Да, можно, только коротко.

— Так вот, Тарас, ты зря считаешь, — обратился профессор к мальчику, — что твое предложение о туннеле без воздуха не заслуживает внимания. Основная мысль твоя была верна, и теперь инженеры начали работать над проектом железной дороги, о которой ты мечтал. И именно в этом твоя заслуга.

Мальчик приподнялся на локте, глаза его заблестели, было видно, что он сильно взволнован.

— Это правда? — спросил он.

— Да-да, правда, — вмешалась Корсакова, которая, кстати говоря, совсем не была знакома с этой историей. — Завтра-послезавтра вы сможете об этом поговорить, а сегодня надо кончать свидание, потому что товарищи спешат, — и врач многозначительно взглянула на профессора.

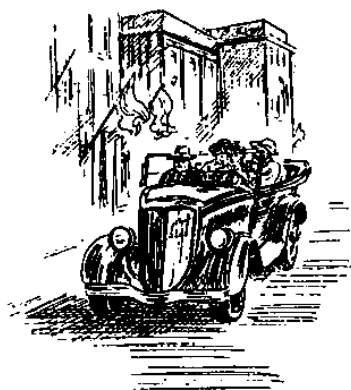
Аркадий Михайлович понял ее взгляд, быстро вскочил с места и сказал:

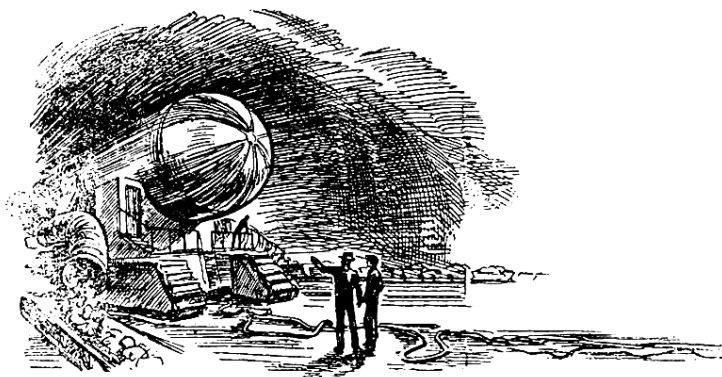
— Да, действительно, нам уже пора. Завтра я обязательно приеду, — и начал торопить инженеров ехать.

Минут через пятнадцать они покинули больницу. Вместе с ними уехал и Томазян. Он сел рядом с Макаренко и всю дорогу молчал. Следователь перебирал в мыслях ряд непонятных фактов: паспорт Андриана Маковского был похищен в начале августа. 25 августа Тарас Чуть познакомился с женщиной, который ехал в Староднепровск. Они поехали вместе киевским поездом... Но в киевском поезде вагона до Староднепровска нет. Мальчик мог этого не знать. Ясно,

что взрослый его обманул. На поезд они сели в последний момент. Проводник взглянул на их билеты, но ничего не заметил, кроме того, что их вагон третий. Значит, взрослый показывал билеты не до Староднепровска. Тарас не помнит, как он упал с поезда, но колотая рана в груди свидетельствовала о том, что перед тем, как падать, он получил удар чем-то острым. Не иначе, как он был сброшен на ходу. Странно, что при нем не нашли ни одного документа на его имя. Бесспорно, рослого четырнадцатилетнего мальчика можно было принять за шестнадцатилетнего. Но самое странное... — когда следователь подумал об этом, то только крутнул головой, — Андриан Маковский объявления об утере паспорта в газету не давал.

Все это были странные факты, секрета которых Томазян еще не разгадал, но они звучали как предостережение тому грандиозному строительству, замысел которого еще неясно проступал в его воображении и был тесно связан с именами его спутников.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

ВЕСНА НАД БАЙКАЛОМ

В конце мая Байкал очистился ото льда, и пароходы двинулись через озеро с юга на север, от одной Ангары до другой. Этой весной пароходов на озере было столько, как никогда до тех пор. Множество рейсов сделали они, перевозя грузы и людей на север. Грандиозное строительство, которое шло вдоль 56 параллели, всколыхнуло дикий край, превращая все реки и озера на юге в подъездные пути.

Около миллиона человек, вооруженных самой передовой техникой, работали на стройке, протянувшейся от Москвы до Охотского моря. Огромная армия рабочих, техников, инженеров, которые непосредственно работали на прокладке туннеля, требовала другой армии, которая заботилась бы о питании, жилье, одежде, медицинской помощи, культурном обслуживании строителей. Эти две армии нуждались в колоссальном количестве самых разнообразных материалов, машин и инструмента. Строительство тоннеля приобрело национальный масштаб.

Оперативный штаб строительства, вместе с академиком Саклатвалой, находился в Иркутске. Чтобы иметь представление о работе этого штаба, достаточно сказать, что через труднодоступную Ангару пришлось перебросить еще один мост. Этот мост имел два уровня: по первому проходили железнодорожные пути, а второй служил для проезда автотранспорта. Население Иркутска увеличилось на сорок тысяч человек, связанных со строительством тоннеля.

Работы проводились второй год, и предполагалось их закончить не раньше следующей весны.

В первых числах июня в Иркутске должна была состояться сессия Научного совета при руководстве строительства, чтобы подвести итоги первого года работы. Из разных мест Союза, из разных пунктов строительства на сессию спешили члены совета: выдающиеся ученые, техники, организаторы, теоретики и практики.

Первого июня на аэродром, расположившийся между Иркутском и Ангарском, почти одновременно подъехали два автомобиля и остановились перед аэровокзалом. Из одной машины выскочил высокий человек, из второй — пониже ростом, и оба поприветствовали друг друга радостными возгласами:

— Ты?!

— Ты тоже?!

Первый из них был инженер Самборский, второй — инженер Макаренко. Самборский руководил тоннельными сооружениями восточной зоны, а Макаренко был начальником строительства гидроэнергетического комбината центральной, так называемой байкальской, зоны подземного пути. Оба часто наезжали в Иркутск, но, загруженные работой, встречались редко, а чтобы поговорить, так и вовсе не имели времени.

— Я так думаю, — сказал Самборский, — что нас обоих сюда привела одна цель: встретить Аркадия Михайловича и Тараса.

— Правильно, — прогудел густым басом Макаренко. — Они вылетели из Свердловска в три часа утра по местному

времени. Их самолет рейса 1456 делает триста километров в час. В пять часов дня их ждут здесь, а сейчас без трех минут пять.

Оба инженера поспешили к дежурному по аэровокзалу осведомиться о рейсе 1456. Действительно, минут через шесть на аэродроме приземлился долгожданный самолет. Первым из него выскочил высокий парень, а за ним вылез седенький старичок. Инженеры узнали Тараса Чутя и Аркадия Михайловича Довгальюка и бросились им навстречу.

— Устали, Аркадий Михайлович? — спрашивал Макаренко, обнимая профессора.

— Немножко есть, — согласился тот, — но не настолько, чтобы сразу идти отдыхать.

Тарас засмутился, когда инженеры стали жать ему руку. Они удивлялись, как он вырос и возмужал. Этой весной парень перешел в девятый класс и сразу же вылетел на строительство, носившее его имя, но которого он до сих пор ни разу не видел.

Разговаривая, они обратили внимание на суету возле большого грузового самолета, приземлившегося сразу после 1456 и вставшего неподалеку. На лицах пилотов самолета,

коменданта аэродрома и еще нескольких человек, стоявших там, явно читались беспокойность и недоумение.

— Что случилось? — заинтересовался Самборский.

— Пассажиры у них пропали, — ответил комендант.

К Аркадию Михайловичу подошел пилот большого самолета и спросил:

— Вы профессор Довгальук?

— Да, а что такое?

— Один из пассажиров, видимо, летел к вам на встречу. В кабине остался пакет на ваше имя.

Профессор ничего не понимал. Тогда пилот стал объяснять подробнее.

— Как только вы вылетели из Свердловска, туда прибыл самолет из Москвы. Один из пассажиров начал расспрашивать о вас и очень переживал, узнав, что не застал вас. В это время я вылетал с почтой. Дежурный по аэровокзалу предложил этому пассажиру лететь вместе со мной. Тот согласился. К нему присоединился еще один пассажир, и я их забрал. Летели мы быстро, почти нагнали вас. Час назад я видел, что мои пассажиры спокойно дремлют в креслах. Но когда подлетел к Иркутску, взглянул в кабину, а их нет. Что ты скажешь? Я уж и не знаю, как посадил машину на аэродроме, потому что у меня и голова уже как будто не своя стала. Ничего не понимаю. Думал, что это мне приснилось. Но в кабине остался саквояж и письмо на кресле, адресованное вам. Помню, тот, толстенький, спрашивая о вас, все письмо в руках вертел.

Аркадий Михайлович попросил письмо. Пилот подал белый тонкий конверт. Профессор разорвал его, вытащил маленький листок бумаги, просмотрел его и спросил пилота:

— У того пассажира, что спрашивал обо мне, рыжие усы, серый плащ и черная кепка?

— Да, да! Вы его знаете?

— Кто это? — спросил Макаренко.

Аркадий Михайлович подал инженеру бумажку.

— Судебная повестка, — прочитал тот. — Явиться по делу о незаконном пользовании общественной жилплоща-

дью. В случае неявки дело будет рассматриваться без вас. Вручить повестку поручено И. С. Черепашкину.

Макаренко прочитал и поднял глаза на профессора: все ждали, что скажет Аркадий Михайлович.

— Вы тоже его знаете, — сказал профессор, — это тот самый комендант дома, когда-то заставивший нас ночевать в солярии. Он, с непонятным мне чрезвычайным упрямством, добивается, чтобы меня оштрафовали в размере какой-то... просто астрономической для меня суммы. Это он, Иван Семенович Черепашкин...

2.

ПОДЗЕМНАЯ АНГАРА

По приезду в Иркутск, Тараса сразу же отправили отдыхать. Так распорядился Аркадий Михайлович. Хотя мальчик и уверял, что не чувствует никакой усталости, профессор установил на несколько суток строгий, почти санаторный режим, и потребовал, чтобы его подопечный соблюдал его.

Через день в гостиницу явился Макаренко, чтобы забрать гостей и показать строительство. Это ему не совсем удалось, так как в тот день академик Саклатвала пригласил профессора к себе. Тарас же был свободен и охотно поехал с инженером посмотреть, как близ города Качуг создают подземную реку.

Они отправились самолетом, и через час прибыли на место строительства. О больших подземных работах свидетельствовали копры шахт, протянувшиеся от Качуга до Байкала, терриконы породы рядом и узкоколейные подъездные пути между ними.

— Мы пробиваем здесь искусственное подземное русло для реки, которая будет вытекать из Байкала и впадать в Лену, — рассказывал Макаренко своему спутнику. — На этой подземной реке мы создадим водопад, который своей силой будет равен американской Ниагаре. Собственно, это будет подземная Ангара. Вытекая из Байкала, река не будет

знать ни весеннего половодья, ни летнего обмеления. Озеро, уровень которого на 453 метра выше уровня моря, словно гигантское водохранилище, будет регулировать расход воды. Тоннель — русло абсолютно ровное, и будет идти на глубине 433 метров над уровнем моря. Следовательно, глубина нашей реки будет равна 20 метрам. Приблизительно за километр от озера мы делаем углубление на 50 метров и создаем водопад, забирая всю его воду в трубы и сбрасывая ее на турбины подземной гидроэлектростанции. Мощность этой станции составит десять миллионов киловатт.

— Это двадцать ДнепроГЭСов, — проговорил Тарас, с восхищением слушая инженера.

— Примерно... Но, кроме этой гидростанции, мы строим еще две. Одну на Шаманском, а вторую на Гиадунском порогах Ангары, или как она еще здесь зовется, верхней Тунгуски. Первая станция примерно на два, вторая — на два с половиной миллиона киловатт.

Кроме того, здесь строится несколько небольших гидростанций. Одна из наиболее оригинальных — это Зыркузунская на реке Иркут. Недалеко от Байкала река Иркут протекает по узкой глубокой долине. Огибая горный Зыркузунский хребет, Иркут делает узкую петлю километров сорок длиной и лишь три-четыре километра шириной. Мы пробили тоннель под Зыркузунским хребтом, четыре километра длиной, и сбросили Иркут с высоты семидесяти метров. Там поставили станцию на пятьдесят тысяч киловатт. Когда-нибудь мы поедем туда, и я покажу тебе этот водопад. Там очень живописная местность. А теперь спустимся в мое подземное царство.

Они зашли в клеть подъемной машины и после сигнального звонка почувствовали, как резко начали проваливаться вниз. Через минуту клеть остановилась. Инженер открыл дверь и вывел своего спутника в величественную подземную галерею. Их встретили только два человека. Откуда-то издали доносилось какое-то глухое скрежетание.

— Вот и дно будущей реки, — сказал Макаренко. — Здесь будет течь байкальская вода, в своем пути к Лене.

Кстати, Лена станет еще полноводнее, чем теперь. Она будет судоходна вплоть до Качуга, а оттуда подземные шлюзы свяжут ее с Байкалом. Тогда морские пароходы смогут пройти из Ледовитого океана в Байкал, а меньшие отсюда, вверх по реке Селенга, в Монгольскую Народную Республику, то есть в глубины континентальной Азии.

К тому месту, где они стояли, с грохотом подъехал поезд из больших вагонеток, наполненных породой. Автоматически сбросив груз на подъемный конвейер, поезд двинулся назад, постукивая колесами на стрелках. Тем временем конвейер быстро понес породу наверх.

Стоявший здесь дежурный по просьбе Макаренко вызвал электродрезину. Через пять минут машинист подогнал ее и забрал инженера с мальчиком, чтобы отвезти их к месту, где строилась подземная электростанция.

Тарас с восхищением наблюдал, как перед ним появлялись и исчезали то хорошо освещенные, то полутемные многочисленные тоннели, ниши, галереи и переходы с разными машинами, непонятным оборудованием и очень небольшим количеством людей.

— Здесь чрезвычайно твердые почвы, — рассказывал инженер мальчику. — Для строительства это очень хорошо, хотя крушить такие камни стоит много энергии.

— А чем вы их крушите?

— Это все делает сконструированный Самборским литостат. Эта машина грызет камень, словно крот землю, растирает его в песок, одновременно выполняет подрывные работы, режет породу струей воды под давлением в тысячу атмосфер, расплавляет самые твердые камни с помощью гигантской вольтовой дуги. Сейчас ты увидишь это чудо землечерпальной техники. У нас говорят, что на литостате можно запросто совершить путешествие к центру земного шара.

Послышался громкий звонок, перед машинистом вспыхнули одна за другой три красные лампочки, и дрезина остановилась.

— Дальше ехать нельзя, — сказал шофер, — семафор предупреждает о длительной задержке на нашем пути.

— Отсюда за десять минут мы дойдем пешком, — предложил Макаренко и помог Тарасу слезть с дрезины.

Отсюда подземелье значительно расширилось. Потолок поднимался вверх на десятки метров, стало встречаться немало людей, приходилось часто переступать через рельсы, виднелись колоссальные подъемные краны, словно в каком-то большом морском порту.

Скрежет невидимых машин стал таким громким, что, разговаривая между собой, людям приходилось повышать голос.

Вскоре Тарас заметил невдалеке большой металлический яйцевидный цилиндр на гусеницах. Его передней части не было видно, но именно оттуда разносился по подземелью громкий скрежет. Люди, находившиеся рядом, носили на головах какие-то шлемы со странной формы наушниками.

— Вот первый литостат, который ты видишь, парень, — проговорил Макаренко.

3.

ЛИТОСТАТ

Хотя Тарас всегда интересовался техникой, а особенно ее новейшими достижениями, но непосредственно с различными машинами и станками был почти не знаком. На заводах ему никогда не приходилось бывать, и самыми сложными механизмами, с которыми ему приходилось встречаться за свою жизнь, были паровоз, автомобиль, самолет и катки, которыми утрамбовывают асфальт. Теперь же, попав на большую стройку, он сразу столкнулся с самой современной машиной.

— Эта машина называется литостат "С-16"! — прокричал Макаренко, подходя к цилиндру, который сотрясался и громыхал. — Мы можем подняться и пройти в кабину управления.

Прежде чем зайти в литостат, инженер и мальчик надели шлемы с наушниками, такие же, какие носили люди, работавшие здесь.

— Этот шлем и наушники заглушают одни звуки и пропускают другие, — пояснил инженер. — Иначе большинство рабочих давно бы уже здесь оглохли да посрывали бы себе голоса. Это изобретение нашего общего знакомого — физика Гоппа. Помнишь высокого, худощавого блондина, который провел с нами вечер в солярии у Аркадия Михайловича?

Мальчик кивнул головой. Он хорошо его помнил, ведь Гопп тогда первый заявил, что ему нравится проект Тараса.

— Здесь есть регулятор, видишь? — показал инженер на черный диск со стрелкой. — Он позволяет регулировать количество колебаний, которые воспринимает наше ухо, а также силу звука. Это чрезвычайно полезная вещь, прежде всего потому, что позволяет нормально разговаривать здесь во время работы.

В кабине управления литостата они увидели инженера-механика, руководившего работой агрегата. Перед ним стояла распределительная доска и телефонный аппарат, который связывал его с разными отделами, где работали специалисты — электрики, пиротехники, механики.

Макаренко кивнул инженеру и несколько минут молча наблюдал его работу. Инженер то и дело переводил ручку на распределительной доске и говорил по телефону. То он приказывал усилить сверление, то прекратить его, и предлагал пиротехникам закладывать фугасы и командовал «взрыв!». После последнего слова Тарас услышал какой-то глухой шум — так доносился грохот взрыва сквозь звуко-фильтры его шлема.

Литостат медленно продвигался вперед. Тарас спросил, какова его скорость.

— Он мог бы пройти пять-шесть километров в сутки, — ответил Макаренко, — но сложность тыловых работ, нехватка электроэнергии и необходимость вести работу широким фронтом, и значит, двигаться то взад, то вперед, ограничивают его скорость примерно пятьюстами метров в сутки. Это — один из самых больших литостатов. Несколько сот значительно меньших работают на строительстве самого

тоннеля. Там легче работать, потому что размеры тоннеля не такие большие, как здесь. Но и там, за недостатком электроэнергии, невозможно в полном объеме использовать эти аппараты. Поэтому мы спешим со строительством электростанций. В целом, успехи строительства зависят от того, как быстро мы сможем дать колоссальное количество электроэнергии. Здесь наши литостаты уже заканчивают работу. Дней через десять начнем установку и монтаж пятидесяти турбин, по двести тысяч киловатт каждая. А через месяц взорвем переборку, которая отделяет Байкал от подземного русла. Тогда вода из озера хлынет сюда, под Байкальский хребет, и уже в августе мы обеспечим строительство нужным количеством энергии.

Тарас закрыл глаза. В его голове все, что он видел и слышал, проносилось словно сон.

4.

ТОМАЗЯН СПЕШИТ

Помощник следователя по особо важным делам Томазян прибыл в Свердловск на рассвете. Его самолет приземлился еще при свете прожекторов.

Пробежав по полю, самолет остановился, и пилот заглушил мотор. Томазян повернул ручку в дверке кабины, открыл ее и соскочил на землю. К Томазяну, держа в руке красный флажок, подбежал дежурный по аэродрому, и предложил пройти в аэровокзал, обещав немедленно прислать туда его вещи. Следователь поблагодарил и поднял голову, заметив, что недалеко от них в воздух взлетел большой самолет, беря курс на восток.

— Когда прибыл последний пассажирский самолет из Москвы?

— Вот он, — улыбаясь, ответил дежурный, показывая на машину, в которой прилетел дотошный пассажир.

Томазян исправился, спросив, когда сюда прибыл последний самолет.

— Полчаса назад.

— Спасибо, — сказал следователь и пошел к аэровокзалу, оставив дежурного разговаривать с пилотом.

Зайдя в аэровокзал, Томазян направился в комнату уполномоченного охраны авиационных линий. Конечно, уполномоченного в такое время он не застал. Но через несколько минут он уже разговаривал с ним по телефону, прося его немедленно приехать на аэродром. Прошло еще минут двадцать, и Томазян уже жал руку уполномоченному и просил выяснить, прибыл ли на предпоследнем самолете из Москвы мужчина высокого роста, в костюме цвета хаки и в желтых крагах, с паспортом и другими документами на фамилию Догадова, сотрудника научно-технического журнала «Заря». Билет у Догадова был до Иркутска, и он, видимо, собирается вылететь отсюда первым самолетом.

Уполномоченный сообщил, что человек, которого разыскивает Томазян, прибыл в Свердловск еще затемно, и немедленно, вместе с другим пассажиром в сером плаще, в черной кепке и с маленькими рыжими усами был отправлен грузовым самолетом до Иркутска.

— Сегодня, к концу дня, они будут там, — сказал уполномоченный.

Томазян выслушал спокойно, даже не нахмурился, но в душе злился на себя за то, что своевременно не успел в Свердловск.

Немедленно в Иркутск полетела шифрованная телеграмма с указанием проследить за Догадовым, который должен был прибыть туда.

В десять часов утра Томазян вылетел пассажирским самолетом на восток. Вечером того дня он был в Красноярске, и там его застала телеграмма из Иркутска. Следователю сообщили о странном случае: во время полета над тайгой из грузового самолета исчезли неизвестно как оба пассажира.

НАД ТАЙГОЙ

Первого июня большой грузовой самолет рассекал воздушный океан, держа курс из Свердловска в Иркутск. Пилот и бортмеханик сидели в кабине управления, а двое пассажиров дремали в маленьком закутке между грузовыми отсеками.

Изредка пассажиры обменивались короткими фразами. Рокот мотора мешал им разговаривать. Кроме того, они, очевидно, не были знакомы между собой, а воздушное путешествие, конечно, мало способствует знакомству пассажиров. Один из пассажиров, малого роста, был одет в серый плащ и черную кепку. Под носом у него торчали рыженькие усики. Второй, высокий, чисто выбритый блондин, с серыми холодными глазами, был одет в темно-зеленый костюм, на ногах носил краги, что придавало ему полувоенный вид.

Первого звали Иван Семенович Черепашкин. С упрямством маньяка, комендант дома преследовал профессора Довгалоюка, имея целью добиться своего: привлечь профессора к ответственности за незаконное, по его мнению, пользование солярием...

Спутник Черепашкина спокойно поглядывал на пейзажи, которые лениво, как казалось с высоты, несмотря на огромную скорость полета, ползли под ними. Особенно пристально он следил за ними, когда, приближаясь к Красноярску, пошли сплошные таежные массивы. Иногда он переводил взгляд на Черепашкина и внимательно смотрел на него, изредка перебрасываясь с ним парой слов. Шум моторов мешал им разговаривать. Иван же Семенович пейзажами не очень увлекался, и скоро путешествие на самолете ему надоело. Тогда он начал просматривать свой блокнот, в который записывал дела, а потом принялся вытряхивать карманы, рассматривая разные бумажки, в основном квитанции и повестки, которые завалялись там. Довольно часто он вытаскивал конверт, в котором лежала судебная повестка

для профессора Довгалока, и, любовно поглядывая на конверт, то и дело перечитывал адрес на нем.

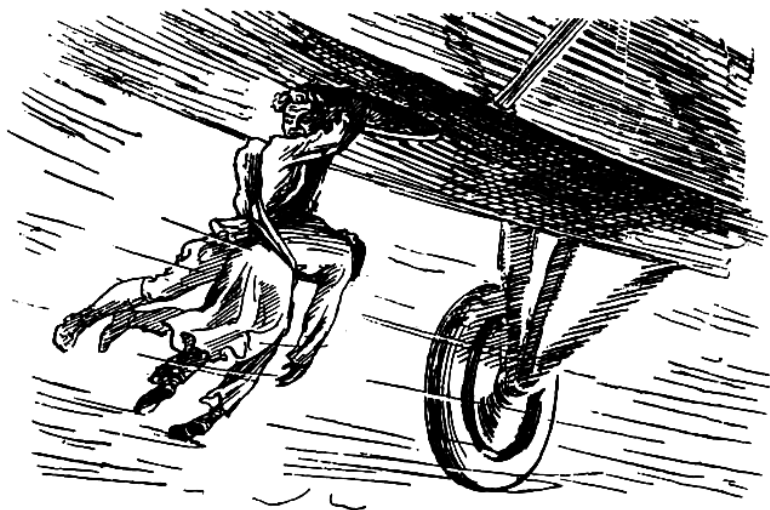
Пассажир в крагах внимательно наблюдал за Черепашкиным, и ему удалось прочитать адрес на конверте. Если бы в самолете был бы еще какой-нибудь приметливый наблюдатель, то он заметил бы, как радостно заблестели глаза высокого. Он еще более пристально стал приглядываться к человеку с рыженькими усами, и кажется, что-то обдумывал.

Миновав Красноярск, самолет вошел в легкую облачность, и ему пришлось снизиться на несколько сотен метров. Альтиметр показывал 400 метров над землей. Пассажир в крагах поглядывал на стрелку прибора с явным неудовольствием. Но через час летчик направил машину вверх, достигнув высоты 1100 — 1200 метров. Теперь спутник Черепашкина стал особенно сосредоточенно рассматривать пейзаж, что простирался под ними. Казалось, он что-то высматривал внизу.

Пассажир в крагах снял с сетки над головой чемодан, извлек из него географическую карту и тщательно стал просматривать ее. Карта заинтересовала Черепашкина. Заметив его любопытство, пассажир протянул коменданту карту, указывая пальцем на какое-то место. Черепашкин решил, что это именно то место, над которым сейчас летит самолет, и, наклонившись над картой, прищурился, пытаясь разглядеть, далеко ли еще до Иркутска. И в тот момент, когда комендант пытался решить эту задачу, хозяин карты незаметно вытащил из чемодана какой-то металлический предмет. Это был кастет. Черепашкин ничего не замечал. На лице высокого появилось хищное выражение. Внезапно его правая рука с зажатым кастетом с силой опустилась на голову несчастного коменданта. Потерявший сознание Черепашкин обмяк в кресле. Нападавший удовлетворенно оглядел свою жертву, потом достал из чемодана сверток и начал ремнями пристегивать его себе за спину. Это был парашют.

Проверив ремни парашюта, высокий посмотрел на неподвижного коменданта, задумчиво прикусил на минутку

нижнюю губу, потом принялся привязывать его к себе. Закончил довольно быстро и, вооружившись ножом, начал вылезать сквозь парашютный люк, придерживая одной рукой дверцу, чтобы прикрыть ее за собой. Он почувствовал, как поток воздуха начал тянуть их за собой по ходу движения самолета. Тогда он рванул рукой крышку люка и отпустил ее. Люк захлопнулся, а два человека, связанных между собой, стремительно полетели вниз.

6.

ПОДЗЕМНЫЙ САД

Тарас по утрам всегда занимался физкультурой. К этому его приучили прошлым летом в санатории. Это вошло в привычку, и он каждое утро начинал с глубоких «вдохов» и «выдохов».

Тарас сегодня встал рано, осторожно распахнул окно и, став напротив, начал выполнять физкультурный минимум. Увлечшись упражнениями, парень подпрыгивал все выше и выше. Наконец, когда он закончил и повернулся, чтобы

пройти шагом вокруг комнаты, то увидел в дверях профессора. Аркадий Михайлович стоял в пижаме, и с еле заметной улыбкой поглядывал на Тараса.

— Доброе утро, — поздоровался Тарас, — простите, кажется, я вас разбудил.

— Ничего, ничего. Мы с тобой с сегодняшнего дня уже на службе, и нам надо рано вставать.

— Как? Мы же с вами в отпуске?

— Кончено. С сегодняшнего дня я — главный консультант по озеленению подземных станций глубинного пути, а ты мой секретарь. Вчера Саклатвала подписал приказ о нашем назначении.

— Значит, я устроился на работу? Первый раз в жизни! Я очень рад. А в чем же она будет заключаться?

— Скорее умывайся и пойдем завтракать, а за завтраком я тебе расскажу.

Тарас побежал принимать душ, плескался там долго, и когда, закончив водную процедуру, вернулся в комнату, профессор уже ждал его.

В кафе на втором этаже их отеля они заказали яичницу и простоквашу. Дожидаясь, пока принесут завтрак, профессор изложил Тарасу свою идею, которая была дополнением Тарасовой идеи глубинного пути.

— До сих пор я хранил это в секрете, — сказал Аркадий Михайлович. — Я обдумывал это несколько месяцев. Зная, что на глубинном пути строятся крупные станции и что для оформления этих станций пригласили лучших архитекторов, я подумал, что было бы неплохо украсить их растениями. Обдумывая, как это можно сделать, я дошел в своих мечтах до того, что создал воображаемые подземные сады, цветники и оранжереи. Постоянная повышенная температура воздуха позволит выращивать любых нежнейших представителей тропической флоры. Воды там будет сколько угодно, подходящую почву создать нетрудно, нужные удобрения всегда можно добавить. Необходимое количество углекислоты тоже дадим. Остается только проблема света. Как впустить в подземелье солнечный свет? Я решил,

что солнце можно заменить гигантскими кварцевыми лампами, которые будут периодически включаться на несколько минут в течение каждого часа. Это будет полезно не только для растений, но и для людей, которые там будут работать. И вот, в моем воображении предстали эти сады и цветники. Я уже представлял себе вокруг подземных вокзалов кусты роз, астры, цветущую сирень...

— А в сирени щебечут соловьи, — добавил Тарас, перебивая профессора.

— Ты, Тарас, скептик! — возмутился профессор.

— Нет, я говорю вполне серьезно. Почему нельзя заселить подземные сады птицами, чтобы было веселее? Можно даже ульи с пчелами поставить, когда там липы будут цвести.

Аркадий Михайлович рассмеялся. Он почувствовал в словах парня веру в свои грандиозные замыслы.

Завтрак быстро прошел за оживленной беседой о том, какие деревья, цветы и травы надо будет насадить в подземельях долгого пути между Москвой и Дальним Востоком.

Наконец, доев и закончив разговор, быстро встали из-за стола.

— Сегодня мы вылетаем с тобой в Забайкалье, — сказал профессор. — Там есть самый глубокий на этом пути прииск. Глубина его разработки — полтора километра. Там строится большая подземная станция, и мы начнем озеленять ее. Это участок Самборского. Он полетит вместе с нами, а оттуда вернется сюда, для участия в заседании научно-технического совета.

Выходя из кафе, друзья столкнулись в дверях с каким-то мужчиной, который очень пристально посмотрел на них. Аркадий Михайлович, увлеченный своими планами, не обратил на этого человека внимания, но Тарасу он показался знакомым и, поднимаясь по лестнице к себе на третий этаж, он все думал, где же видел этого мужчину. Казалось, вот-вот вспомнит, но профессор не дал ему сосредоточиться на смутных воспоминаниях, приказав немедленно собираться, потому что только что звонил Самборский, который уже

выехал на аэродром и должен был заехать за ними. Действительно, через несколько минут автомобиль Самборского уже стоял перед гостиницей.

Только приехав на аэродром, Тарас вспомнил, что это за мужчина и где он с ним встречался.

— Аркадий Михайлович, вы знаете, кого мы встретили в дверях кафе? Следователя Томазяна. Помните, он приезжал ко мне в больницу, когда я лежал, и уехал вместе с вами?

— Да ну! Как же я его не узнал? Мне же приходилось и после того несколько раз с ним встречаться... — недоумевал профессор, взбираясь по лестнице в кабину самолета.

7.

СОВЕЩАНИЕ В ЗАГОРОДНОЙ РЕЗИДЕНЦИИ

На самых секретных совещаниях у Премьера бывали только три человека: военный министр, начальник генерального штаба и начальник Секретно-разведывательной службы. Обычно такие совещания происходили в загородной резиденции премьера.

Накануне открытия в Иркутске сессии научного комитета подземного пути Премьер вызвал к себе за город трех упомянутых чиновников.

На совещании докладывал толстый низенький начальник Секретно-разведывательной службы.

— Мы следим за этим строительством с того момента, когда появилась идея о подземной железной дороге. Один из лучших наших агентов информирует нас о развитии строительства и принимает самые решительные меры к торможению его. Мы также обратили на это внимание заинтересованных государств. Одному из их агентов в свое время почти удался террористический акт против инициатора этого строительства, и лишь по случайности тому удалось выжить после тяжелого ранения. Были намерения его ликвидировать, но впоследствии оказалось, что это не будет иметь никого значения, ибо роль инициатора ограничивалась лишь тем, что он подал идею строительства. Этот террористический акт был сочтен даже вредным, так как привлек внимание советской разведки, и стал причиной недоразумения между агентами и некоторого легкомыслия одного из представителей нашей службы.

Масштабы строительства поразительны. Размеры его поистине грандиозны. Есть основания полагать, что если не удастся помешать его осуществлению, то оно закончится в течение двух лет. На днях помощник моего главного агента отправился в Иркутск, где находятся руководители стройки, с поручением поступить на службу в штаб строительства, устроить там нескольких подручных, принадлежащих к разведкам союзных государств, раздобыть подробную карту и план железнодорожного тоннеля и организовать катастрофы на самых главных участках. Это было несколько дней назад; на сегодняшний день точно не известно, что за это время успели сделать. Известно, что агент до сих пор в Иркутск не прибыл, однако надеюсь, что все в порядке, и вскоре он даст о себе знать.

— Вывод наших специалистов о значении этого тоннеля для большевиков? — спросил Премьер начальника штаба.

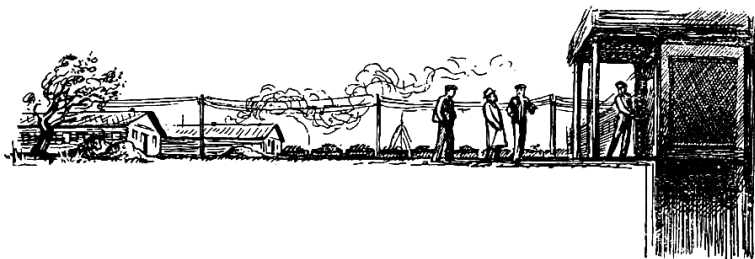
— Такая железная дорога изменит всю экономику их страны, она чрезвычайно сближает восточную и западную части Советского Союза. Но главное — это ее стратегическое значение, потому что она даст возможность быстро подвозить войска и военное снаряжение на Дальний Восток. Поэтому союзные антибольшевистские государства должны ускорить темпы своих военных приготовлений. Война должна начаться и закончиться раньше, чем подземная железная дорога начнет функционировать.

— Союзным государствам требуется примерно год, чтобы быть готовыми к войне, — проговорил премьер. — Кроме материальной подготовки, необходимо закончить фашизацию малых стран и до конца разгромить демократические элементы во Франции.

— Да, — подтвердил начальник штаба. — Ровно через год можно начинать войну против большевиков с двух сторон — с запада и с востока. Самолетов, линкоров, снарядов и взрывчатых веществ к тому времени у союзных держав будет достаточно, чтобы разрушить все пути и уничтожить надземные сооружения на территории фронтовой полосы и прифронтовой зоны большевиков, а также прервать сообщения на основных магистралях глубокого тыла. Против двух огромных армий, которые нападут одновременно с двух сторон, они не удержатся.

— Все же, я думаю, нам надо ускорить темпы подготовки, — сказал премьер.

— Вы совершенно правы, — согласился начальник штаба. — Вместе с этим я предлагаю, — он обратился к начальнику Секретно-разведывательной службы, — приказать нашим агентам принять самые решительные меры, чтобы затормозить строительство железной дороги-туннеля, которая, к сожалению, по причине глубинного залегания будет неуязвима для авиационных бомб.

8.

РАЗГОВОР В ЛИФТЕ

В горах, между верховьями Зеи, притока Вилюя, расположился один из наиболее важных объектов крупного подземного строительства. Здесь была пробита шахта № 925. Она стала самой глубокой в системе строительства. Именно в этих горах тоннель проходил на глубине больше полутора километров. Температура в месте проходки достигала около 45° выше нуля.

В середине июня на шахту № 925 прибыли начальник тоннельных сооружений восточной зоны инженер Самборский, профессор ботаники Довгалюк и его секретарь Тарас Чуть. Самборский с гордостью рассказывал гостям о самой глубокой шахте. Эта гордость была вполне понятна — ведь подземных строений такой глубины немного на свете. Пробить такую шахту в течение одного года в горной местности, где почти не было подъездных путей — было чудом не только технического, но и организационного искусства.

Вокруг шахты расположился немаленький город с десятками тысяч населения. Выглядело он довольно неприглядно: чернели длинные, низкие деревянные здания, нигде не было ограждений, во многих местах лежали груды строительного материала. Здесь чувствовалась прохлада, соответствовавшая географической широте и высоте над уровнем моря данной местности.

Все направились спускаться под землю.

Ствол шахты был расположен так, что в нем ходило сразу несколько лифтовых кабинок для людей и отдельно гру-

зовые клетки. Последние ежеминутно выносили на поверхность тысячи кубометров грунта и высыпали его на колоссальные платформы. Платформы катились непрерывным конвейером, относили почву на один-два километра от шахты и там высыпали ее, образуя новые высокие горы.

Самборский захлопнул дверцу кабинки, и лифт двинулся вниз. Тарасу показалось, что он находится в самолете, который идет на посадку. Их сопровождал один из помощников Самборского, горный инженер Кротов. Это был мужчина средних лет, в прошлом он работал в Донбассе.

Кротов рассказывал Самборскому о работе в шахте и жаловался, что в последние дни у него много времени отняли сотрудники картографического управления.

— Макуха нас донимает, — жаловался Самборский профессору, — он ведает картографическим управлением и, вероятно, у него много свободного времени, потому что занимается всем, чем угодно. У него, кроме картографов, работают геологи, геофизики, археологи, палеозоологи, фито-палеонтологи, обыкновенные зоологи и ботаники, метеорологи и множество других людей. Все они выискивают различные сведения, которые нужны для науки, но сейчас не имеют практического значения для нашего строительства.

— А геологи? — спросил Тарас. — Они ведь очень нужны на строительстве тоннеля?

— Те геологи, о которых ты думаешь, входят в состав непосредственных строителей тоннеля. А Макуха держит у себя, так сказать, высоких теоретиков, которые только наблюдают, составляют различные описания и карты, изучают происхождение пород, земных складок и тому подобное. Все это имеет большое значение для науки, но мы, строители, непосредственно этого не ощущаем, а иногда и спорим с ними. Ну, а что касается искателей различных доисторических животных и растений, то здесь нередко случаются досадные инциденты. Скажем, нашли при раскопке шахты какую-то кость. Палеонтологи уже тут как тут, и требуют проводить раскопки медленно и осторожно, а нам надо спешить. Они жалуются на строителей, и потом нам

приходится по этому поводу встречаться с Макухой у Саклатвалы.

— Тут у нас позавчера, — вставил Кротов, — раскопали на глубине тысяча пятьсот тридцать пять метров кладбище каких-то доисторических животных.

— Ого! — удивился профессор.

— Небывалое явление... Со дня на день ждем огромного наплыва разных исследователей, а ведь именно в этом месте мы должны пробивать русло подземной реки. Боюсь, что с палеонтологами произойдет настоящая война. Они вызовут сюда самого Макуху.

— Но в Иркутске он мне ничего не говорил об этом. Я видел его накануне отъезда, — сказал Самборский.

— Он еще не знал. Телеграмму ему послали только сегодня утром.

В это время Тарас почувствовал, как пол с силой начал давить ему на ноги. Началось торможение лифта. Приблизилось дно шахты.

— Аркадий Михайлович, — сказал Тарас, — представьте себе, на какой мы глубине! Сколько над нами земли и камня!

Профессор улыбнулся и зажмурился. Он пытался представить то, о чем говорил его секретарь. Вдруг плечи его вздрогнули, он открыл глаза и, хитро посмотрев на спутников, сказал:

— Страшно! Страшно! Лучше не представлять, потому что это слишком колоссально.

Лифт уже остановился. Открывая дверцу, Кротов обратился к профессору, словно отвечая на его слова:

— А представьте, какой мощи происходили здесь раньше процессы движения этих масс породы, если кости животных с поверхности попали на такую глубину.

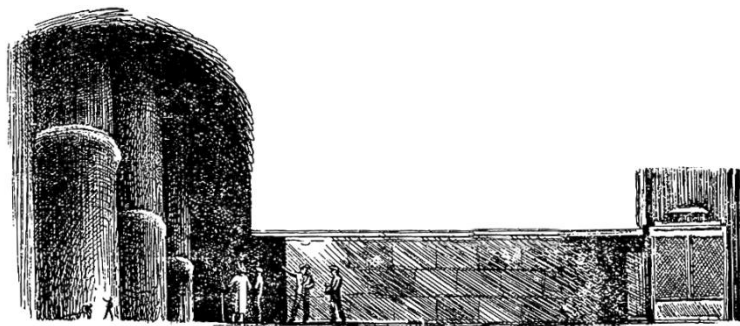
ШАХТА № 925

Первым, что Тараса поразило, когда он вышел из лифта и оказался в шахте, был полумрак, что окутывал все вокруг. Эта шахта сильно отличалась от того подземелья, которое мальчик раньше посещал с Макаренко.

На вопрос, почему так, Самборский ответил, что они экономят электрическую энергию, и, пока не заработает электрогигант на подземной Ангаре, освещение не может быть усилено.

В полумраке, высоко вверх, исчезали огромные гранитные колонны с вкрапленными в них порфирами и базальтами. В сумерках нельзя было разглядеть потолка, который возвышался почти на сто двадцать метров. Именно в этом месте планировали подземный вокзал, а чуть дальше должны были разместить депо для электровозов и вагонов, и различные мастерские.

— Это самая трудная работа, — рассказывал Самборский своим спутникам. — Пробивать сам тоннель сравнительно легко. А вот здесь надо оборудовать целый подземный город. Были споры, следует ли строить его именно здесь, потому что большинство подземных вокзалов мы устраиваем на значительно меньших глубинах и почти всегда вблизи крупных наземных городов. Но ряд обстоятельств побудил нас остановиться на этом месте: во-первых,

почва здесь — исключительно твердые породы, и все слоями невероятной толщины; во-вторых, это район чрезвычайных геологических богатств. Кроме того, географическое расположение этого района требует создания именно здесь большого центра. Наконец, значительная глубина должна, в какой-то степени, — так надеются геологи — страховать нас от сейсмических катастроф, в отношении которых данный район, очевидно, не совсем безопасен.

Все надели шлемы, которые Тарас уже видел на строительстве подземной Ангары.

— У вас много литостатов? — спросил парень Кротова.

— Сейчас восемнадцать, — ответил инженер, — но через месяц их будет сорок три.

Если бы не шлемы с звукофильтрами, то барабанные перепонки у людей, которые находились в этом подземелье, вряд ли долго выдержали бы скрежет и грохотание от непрерывной работы полутора десятка литостатов и шум конвейеров, которые отводили отсюда выработанную породу.

Самборский привез своих друзей в туннель, и когда они оказались там, предложил им снять шлемы. Хотя конвейеры грохотали и здесь, но можно было вполне свободно разговаривать, не пользуясь звукофильтрами.

Тоннель показался Тарасу очень узким и тесным, по сравнению с тем подземным залом, где они только что были. Здесь их электродрезина не могла двигаться самостоятельно, пришлось ехать в потоке больших пустых вагонеток, катившихся друг за другом вперед, туда, где работал литостат «С—26». Этот литостат был гордостью Самборского, потому что работал он быстрее всех литостатов, и без посторонней помощи прокладывал тоннель. Навстречу им катился второй поток вагонеток, груженных породой.

— В этой породе, — рассказывал Самборский, показывая на вагонетки, — очень часто попадаются разные драгоценные камни. В этом районе мы в основном находим красные камни. Очень много красно-вишневых гранатов, бурокрасных сердоликов, розовых турмалинов и светло-красных рубинов. Но у нас нет времени специально заниматься эти-

ми драгоценностями и выбирать их. Возможно, в будущем кто-нибудь займется переборкой вывезенных на поверхность пород. Сегодня нас интересуют только алмазы. Очень интересуют, потому что они нам нужны для бурового инструмента. К сожалению, алмазы в этой местности не попадают. Правда, под Уралом находят, и там по приказу Саклатвалы организована их добыча.

Самборский больше двух часов показывал своим друзьям стройку, знакомя их с местами, где профессор Довгалоук собирался работать. Потом оставил их с Кротовым, а сам вернулся на поверхность. Он должен был немедленно лететь в Иркутск.

10.

ОТВЕТ

В один из следующих дней Тарас спускался в шахту, где его ждал Аркадий Михайлович. Возле лифтового корпуса парень увидел человека, который невольно привлек его внимание. Это был высокий блондин. Он разговаривал о чем-то с Кротовым, и когда заметил Тараса, то скользнул по нему холодным взглядом серых глаз. Тарасу показалось, что он уже где-то видел этого мужчину и как будто бы даже разговаривал с ним, но где именно происходила та встреча, не мог сказать. Возможно, это один из многочисленных новых знакомых, которых за последнее время он приобрел так много, что не мог всех запомнить. Тарас, который всегда отличался вежливостью, поздоровался, адресуя свое приветствие одновременно и Кротову, и высокому блондину. Инженер ответил на приветствие и махнул рукой, чтобы Тарас его подождал. А блондин смотрел на парня так, как будто никогда его не видел. Тем временем, Кротов закончил разговор, пожал высокому руку и направился к Тарасу. Подойдя к нему, он обернулся и крикнул высокому: «Так я вас жду, Семен Иванович!» Тот в ответ кивнул головой и направился к домам, где жили техники и рабочие.

— Пойдем, Тарас! Я тоже в шахту спускаюсь, — сказал Кротов. — Аркадий Михайлович там?

— Там. А кто это с вами был?

— Этот от Макухи приехал. Новый рабочий. Палеонтолог. Он второй день вытаскивает из прииска кости.

— Что же это за животные?

— Разные. В основном тиранозавры и трицератпосы. Эти два названия я запомнил. Остальные забыл.

— Мне кажется, что я этого палеонтолога уже где-то видел, только никак не припомню, где именно.

— Возможно, где-то на улице. Со мной когда-то в Одессе случился такой курьезный случай: я в трамвае поссорился с каким-то мужчиной. Вышел из трамвая, и забыл о нем. Через несколько дней, гуляю по бульвару и вижу, что навстречу мне идет как будто бы знакомый человек. Знакомый, но никак не припомню, откуда его знаю. Поравнявшись с ним, я снял шляпу и поздоровался. Он смеется, и тоже здоровается. Тогда только я вспомнил, что это тот самый человек, с которым за несколько дней до этой встречи я ругался в трамвае.

Когда они зашли в лифт, Тарас спросил Кротова:

— А как фамилия этого палеонтолога?

— Черепашкин.

— Черепашкин?

— Семен Иванович Черепашкин.

— Очень знакомая фамилия. То же имя и фамилия...

Тарас вдруг смолк. Он вспомнил, что так звали коменданта дома, который назойливо преследовал Аркадия Михайловича.

В ту же минуту в кабине зазвонил телефон. Кротов снял трубку. Вдруг выражение лица инженера так резко изменилось, что мальчик начал внимательно прислушиваться к его словам.

— Да. Я слушаю, слушаю. Что вы делаете? — крикнул Кротов и повернул маленький выключатель, под которым была надпись «максимальная скорость».

Лифт рванулся вниз еще быстрее.

Тарас, посмотрев на инженера, увидел в его глазах выражение напряженности и тревоги.

— Немедленно тревожный сигнал в самые дальние выработки, — отдал инженер кому-то приказ. — Вызывайте все спасательные команды. Сейчас буду.

Разговаривая, Кротов следил за альтиметром, висевшим в кабине. Когда стрелка показала 1.350, он повернул выключатель, тем самым уменьшая скорость падения кабинки.

Тарас почувствовал, что его словно что-то сжимает от такого резкого торможения.

— Что случилось? — спросил он инженера.

— Потоп, — ответил тот. — Река, которую мы подводили сюда, прорвала изоляционный канал. Вода быстро наполняет шахту.

Лифт остановился. Кротов и Тарас выскочили из кабины. Первое, на что мальчик обратил внимание, была вода, которая захлупала у него под ногами. Она доходила до щиколоток и быстро поднималась. Рядом стояли несколько рабочих и техников. На лицах их было выражение растерянности и волнения. Один из них начал что-то доклады-

вать инженеру. Тем временем Тарас повел взглядом по шахте и заметил, что почти везде светились синенькие лампочки, кое-где зеленые, а вдали — ярко-красные. Он знал, что синие возвещают о тревоге, зеленые указывают путь, по которому можно двигаться по шахте, а красные означают большую опасность и запрещают приближаться к отмеченному ими месту. В самой шахте было сравнительно тихо. Не слышалось взрывов и грохота. Часть литостатов прекратила работу. К подъемным механизмам подтягивались рабочие, которые выходили из дальних забоев, штолен и тоннеля.

— Вода прибывает на один сантиметр в минуту, — сказал один из техников.

— Мы успеем вывести всех, — ответил второй.

— Дело не в том, чтобы вывести всех вовремя, — обратился к ним Кротов. — Надо немедленно организовать борьбу с наводнением. Мы должны не допустить затопления шахты. Сейчас сюда придут спасательные команды.

В это время из будки окликнул диспетчер:

— Товарищ Кротов, звонят из Северной штольни. Там прорвало защитную плотину. Выйти оттуда невозможно. В штольне вода достигает ста пятнадцати сантиметров.

Тарас вспомнил, что они как раз собирались ехать в Северную штольню, потому что там их ждал Аркадий Михайлович.

11.

НАХОДКА В ТАЙГЕ

В Иркутске Томазян поручил местным органам розыска детальнее всего обследовать таежную местность, над которой пролетал самолет. Во все населенные пункты вокруг этой трассы послали секретные телеграммы с указаниями искать двух людей, которые 1 июня вылетели из Свердловска в Иркутск и не долетели. Один из них должен был быть высокий, второй низенький. Фамилия первого Догадов, второго — Черепашкин. В телеграммах-инструкциях подробно описывались их внешние приметы и одежда.

Прошло несколько дней, но никаких сведений, заинтересовавших бы Томазяна, он не получал.

Опытные поисковики не прекращали розысков, и упорно обследовали каждый квадратный километр тайги, расспрашивали таежных жителей, рыскали по глухим путям, зорко оглядывая каждого прохожего и проезжего.

Наконец, через несколько дней пришло сообщение, что двое искателей золота видели 1 июня, как с самолета, что пролетал над тайгой, спрыгнул парашютист. Один рассказывал, что парашютист спускался с каким-то грузом, а второй уверял, что под одним парашютом видел двух человек. Оба золотоискателя думали, что с самолетом случилась авария, и ожидали, что машина упадет. Но самолет пролетел дальше и скрылся за лесным горизонтом. Несмотря на это, золотоискатели не предпринимали попытки разыскать парашютистов. Оба они думали, что прыжок тот был сделан со специальным заданием и что парашютисты не нуждаются в помощи.

Узнав об этой новости, Томазян распорядился немедленно обследовать местность, над которой видели парашютистов. Это сделали две сотни разведчиков. Они окружили зону розысков кругом радиусом километров десять, и начали медленно двигаться внутрь, осматривая каждое дерево, перетряхивая каждый кустик.

На второй день этих розысков, среди густого кустарника, поросшего над узкой речкой, нашли небрежно свернутый парашют. И тогда на место розысков вылетел Томазян. Его самолет совершил посадку на маленькой площадке недалеко от того места, где нашли парашют. Осмотр местности сразу убедил следователя, что парашютисты специально выбирали эту площадку для спуска, и, приземлившись, спрятали парашют в кустах, а сами неизвестно куда исчезли. Фабричный номер парашюта был Г 002561. Телеграммой в Москву Томазян просил узнать, за кем числится этот номер парашюта. Ответ прибыл незамедлительно. Сообщали, что парашют Г 002561 находился в пользовании редакции научно-технического журнала «Заря». Из помещения редакции он был недавно похищен.

— Так я и знал, — пробормотал следователь, — все рассчитано наперед. Мистер — догадливый спортсмен. Но Черепашкин?

Для Томазяна было ясно, что парашютисты, или, по крайней мере, один из них, остались живы. Он должен был энергично продолжать розыски этих людей.

Ночью, когда следователь спал в кабине самолета, растянувшись на полу, его разбудил радист и подал зашифрованную радиограмму. Ночной ветерок легко шелестел верхушками деревьев, в темном небе равнодушно мелькали звезды, когда, потирая глаза, Томазян взялся расшифровывать радиограмму.

«В Братске задержан подозрительный человек с документами на фамилию Догадов. Есть сходство одежды. Рост не соответствует указаниям».

Томазян черкнул в блокноте несколько слов, передал листок радисту и начал будить пилота.

— Скоро вылетаем, — сказал он, когда пилот наконец проснулся.

Тем временем, радист посылал в Братск радиограмму-распоряжение: «Немедленно самолетом доставьте Догадова в Иркутск. Будьте с ним осторожны. Томазян».

12.

В СЕВЕРНОЙ ШТОЛЬНЕ

Северная штольня была метра на полтора ниже тоннеля. Она предназначалась для вагоноремонтного завода глубинного пути. Там же Аркадий Михайлович хотел устроить один из своих подземных садов. Ботаник требовал, чтобы здесь выкопали огромную пещеру с высоким потолком, а пол — чтобы был как можно ниже уровня тоннеля. Последнее позволило бы подготовить соответствующий слой почвы, нужной для растений. Кроме того, Аркадий Михайлович хотел, чтобы верхушки деревьев вздымались не очень высоко над перроном подземного вокзала.

Грунтовые работы в Северной штольне проводились довольно медленными темпами, потому что до сих пор основное внимание уделялось тоннелю и вокзальному помещению. Но так как проходка тоннеля уже близилась к своему завершению, предполагалось в ближайшие дни форсировать работы в этой штольне.

В день, когда подземные воды неожиданно прорвались в тоннель, в штольне было немного людей. Два литостата, работавших там в последнее время, накануне были переведены на расширение шлюзовой камеры, через которую должны были проходить поезда перед выходом из безвоздушного тоннеля на вокзал. Танкоходы, которые привезли в штольню людей, оставили их там, а сами были задействованы в различных работах по всему подземелью. В случае необходимости их вызывали по телефону.

Вода появилась в штольне в тот момент, когда профессор Довгалюк осматривал самый дальний участок и находился на значительном отдалении от телефонной будки. С ним были двое рабочих из бригады «лесничих», которую

профессор уже успел организовать для проведения работ по озеленению тоннеля.

Под ногами зачавкало, в воздухе почувствовалась сырость, и это сразу привлекло внимание людей. Появилось подозрение, что где-то близко, из какой-то трещины сочится вода, но никто в тот момент не мог представить себе всех последствий этого. Прежде чем протелефонировать дежурному диспетчеру о том, что в шахте появилась вода, профессор и его спутники попытались обнаружить, откуда именно она поступает. Светя фонарями, они осматривали стены и пол штольни. Тем временем вода начала прибывать так быстро, что пришлось прекратить розыски и бежать, уже по колено в воде, к телефонному аппарату, чтобы известить о затоплении штольни и немедленно выходить оттуда к подъемному лифту. Вода прибывала очень быстро, и когда они подошли к телефону, то невысокому Аркадию Михайловичу она достигала уже почти до пояса. Идти было трудно, вода задерживала. Было страшно и неприятно. Температура воды была низкая, и люди мерзли.

Пещера быстро превращалась в подземное озеро, едва освещаемое фонарями, что светились вверх на значительном расстоянии друг от друга. Дно этого озера было неровное, и люди то и дело спотыкались о комья породы, лежавшей там невыбранной. Над водой вздымались вагонетки, стоявшие на рельсах. На одной вагонетке заметили крыс, спасавшихся от воды.

Вдруг все увидели, что с противоположной стороны, так же, как и они, преодолевая сопротивление воды, приближалось несколько человек с фонарями и кирками в руках. Это вызвало недоумение, но одновременно и надежду, что, может, эти люди знают, что случилось, и идут к ним на выручку. К телефону подошли почти одновременно. Это были рабочие, работавшие в штольне на очистке пола. Аркадий Михайлович ехал сюда вместе с ними.

— Что происходит? — спросил один из бывших попутчиков у профессора.

Люди, идущие навстречу, шли молча. Несмотря на полумрак, в поведении этих людей, в их движениях и даже на плохо различимых в темноте лицах ясно читалась тревога. Когда сошлись совсем близко, передний, — это был бригадир, — глухо прохрипел:

— Путь к главному входу отрезан. Там нельзя пройти, а переплыть не на чем.

Аркадий Михайлович вспомнил, что там, по его же указаниям, делали выемку метра на два глубже, чем вся штольня. Там успели уже выбрать грунт на участке метров в семьдесят. Теперь выемка, наполненная водой, закрывала выход. Но на всякий случай там была построена защитная плотина, потому что сюда, в штольню, предполагалось пустить небольшую искусственную подземную реку. Неужели эта река прорвалась раньше, чем ей проложили здесь русло?

Вода все прибывала, и люди испуганно искали спасения. Но надежда была только на телефон. С его помощью им, может, удастся вызвать спасателей. По телефону они сейчас узнают, что делается в главном тоннеле и у центрального лифта.

Бригадир, который первый оказался у телефона, торопливо рассказывал диспетчеру об их положении. У телефонной будки собралось человек двадцать. Самым высоким из них вода достигала до пояса, а профессору доходила почти до подмышек. Аркадия Михайловича поставили на небольшую глыбу породы, которую кто-то нашел под ногами, и теперь он стоял выше всех.

Бригадир сжимал телефонную трубку и слушал. Потом сказал «Хорошо, сделаем» и, повернувшись к товарищам, крикнул, что сейчас с ним будет говорить Кротов. Он замер, вслушиваясь и прижимая к уху эбонитовый наушник. Все напряженно ждали, что скажет им инженер.

Они видели вдали многочисленные синие и красные огоньки, извещающие об опасности и о том, что в штольне все места опасные. Ни одного зеленого огонька, который бы указывал, куда можно пройти. Вокруг царила тишина, если не обращать внимания на легкий неясный шум, который принес с собой неожиданный паводок.

Через одну-две минуты бригадир повесил телефонную трубку.

— Товарищи, — строгим голосом произнес он. — Инженер Кротов требует, чтобы не было паники, и обещает немедленно выслать нам помощь. А теперь давайте искать под ногами крупные куски породы и становиться на них, или складывать камни в кучу.

Рабочий, стоявший вблизи профессора, измерил глубину воды.

— Метр двадцать три сантиметра, — сказал он и, отойдя дальше, начал шупать ногами дно, выискивая камни.

Бригадир с минуту молчал, опираясь рукой на телефонную будку. Он стоял, задумавшись. Кто знал, о чем он думал? Бригадир обманул людей, что слышал от Кротова о немедленной помощи. Телефонный разговор между ними оборвался после первых же слов. Очевидно, где-то произошел обрыв провода, или сломался телефонный аппарат.

СПАСАТЕЛЬНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Работы по выемке грунта в шахте были приостановлены. Рабочие со всех участков, кроме Северной штольни, быстро добрались до лифта, и большинство из них было немедленно вывезено на поверхность. Часть же, самые энергичные и опытные, остались у Кротова, руководившего спасательными работами. С поверхности прибыла первая спасательная команда. Но спасатели, которые были хорошо подготовлены к борьбе с газами, подземными пожарами и завалами, не имели ни опыта, ни специального оборудования для борьбы со столь значительным наводнением. Правда, у них были помпы, чтобы откачивать воду, но здесь они не могли помочь, потому что воды было уже слишком много. Не имели они также лодок, чтобы отправиться на них в разведку по шахте, которая превратилась не то в реку, не то в озеро. Именно в этот момент Кротов ощутил чрезвычайную потребность в лодках. Телефонная связь с Северной штольней неожиданно прервалась. Пока дежурный монтер пытался выяснить, что произошло, инженер быстро подсчитывал, какой уровень воды должен был уже быть в штольне. Выводы были неутешительны.

Там вода наверняка достигала в лучшем случае 130-140 сантиметров. Люди в Северной штольне еще могли быть живы, но как их спасти, когда вода прибывает, а добраться до штольни нет возможности. Очевидно, что это можно сделать лишь на каком-нибудь плавучем средстве. Кротов напряженно думал, ища, чем бы воспользоваться вместо несуществующих лодок.

Взволнованный Тарас стоял возле инженера и поглядывал на него с тревогой, а потом и с надеждой. В это время он заметил, как из кабинки лифта, что спустилась под землю, вышел палеонтолог, с которым Кротов разговаривал перед спуском в шахту.

Энергично ступая, палеонтолог приблизился к инженеру и, взяв его за локоть, сказал:

— Товарищ Кротов, я узнал о несчастье и немедленно спустился в шахту. Я в вашем распоряжении.

Инженер взглянул на него так, словно взвешивал способности этого человека, и коротко ответил:

— Надо спасать людей в Северной штольне.

— Что там случилось?

— Их вот-вот зальет. Выход оттуда затрудняет глубокая выемка. Танкоходы не пройдут. Я посылаю литостаты, но они доползут туда только за три-четыре часа. Уровень воды непрерывно поднимается.

На секунду он замолчал, видимо, что-то обдумывая. Потом снова заговорил:

— Есть один танкоход. Мы его делали как экспериментальный. Он высокий. Сможет дойти до выемки, но дальше?

— Длина выемки? — спросил палеонтолог.

— Семьдесят метров. В выемке глубина воды — метра три с половиной. Дальше, в штольне, примерно... сто сорок сантиметров. Телефонная связь оборвана. Надо немедленно отправляться на помощь.

— Я беру это задание на себя, — сказал палеонтолог. — Мне надо четверых—пятерых отважных людей, умеющих плавать. Мы сделаем плот, возьмем его на буксир и сейчас же трогаемся. Минут через сорок будем там.

— Спасибо, товарищ Черепашкин!

Тарас, слушая этот разговор, сделал шаг к палеонтологу и взволнованно произнес:

— Я с вами.

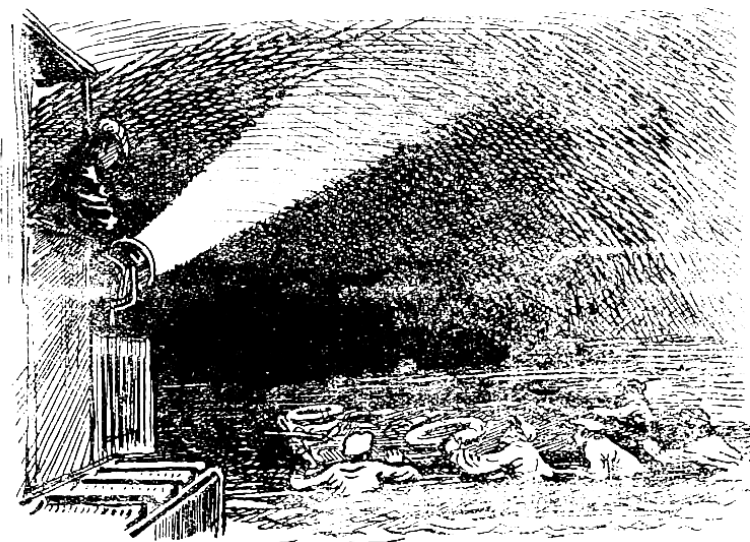
— Очень хорошо, — коротко ответил ученый, и Тарасу снова показалось, будто он уже когда-то слышал этот голос.

Но это воспоминание моментально исчезло, потому что они должны были немедленно отправляться в спасательную экспедицию.

НА ТАНКОХОДЕ

Танкоход стоял шагов через сто дальше. Вода, поднявшаяся в главном ходе сантиметров на восемьдесят, заливала нижнюю часть машины, но водитель уверял, что сможет пройти через глубину даже в полтора метра. Палеонтолог, забрав с собой Тараса и нескольких рабочих, приказал водителю вести машину к Северной штольне. Подготовка экспедиции отняла пятнадцать-двадцать минут. Черепашкин проявил себя энергичным и умелым организатором.

Танкоход передвигался медленно, но, по сравнению с литостатами, которые ползли медленнее черепах и даже не дошли еще до центрального поста, он «летел» со скоростью пешего хода человека. Тарас уселся в кабине возле водителя и напряженно вглядывался в сумрак, который прорезался светом маленького прожектора, укрепленного на крыше машины.

Из их поля зрения исчезло все, кроме длинного темного коридора с красными, синими и зелеными огоньками, которые светились под самым потолком. Наконец, небольшой поворот, они сворачивают на север, подземелье расширяется, и одновременно вода поднимается все выше и выше, и приходится остановиться. Здесь начинается выемка. Дальше ехать невозможно. Палеонтолог предписывает измерить глубину воды на главном проходе и подсчитывает, сколько воды должно быть в штольне. Он хмурится. Там она поднялась, наверное, метров до двух. Вряд ли кто смог спастись...

Водитель танкохода смотрит на палеонтолога, ожидая приказа поворачивать назад, но тот велит рабочим в последний раз проверить, как скреплен тросами плот, привязанный к машине, и плыть в штольню. Он сам, рабочие и Тарас берутся, каждый одной рукой, за плот и трогаются в плавь, загребая второй рукой. На одно мгновение мальчику показалось, что палеонтолог что-то хотел сказать ему, но, видимо, внезапно передумал, и сделал вид, словно ничего не собирался.

15.

ЧЕЛОВЕК, НЕ УВЕРЕННЫЙ В СВОЕЙ ФАМИЛИИ

Областная прокуратура помещалась в двухэтажном доме, напротив областного суда. Из окон кабинетов следователей виден был большой сад, а за садом играла волнами Ангара. В кабинетах царила тишина. Сюда не долетал даже стрекот пишущих машинок из канцелярии. Один из этих кабинетов занял Томазян. В двенадцать часов он прибыл в Иркутск, а на четырнадцать вызвал к себе на допрос гражданина Догадова, который был по его распоряжению арестован вчера.

Это был маленький человечек с рыжими усиками, в костюме цвета хаки и крагах. Костюм явно шился не на него. Выглядел этот человечек грязным, помятым, небритым, с выражением испуга на лице.

— Прошу, гражданин, садитесь, — предложил Томазян.

Арестованный несмело подошел ближе и, казалось, с удовольствием сел в кресло.

Томазян придвинул к себе папку с делом, но, не заглядывая в нее, спросил:

— Как ваша фамилия? Думаете, я не знаю?

— А я вот, — медленно начал арестованный, — не уверен в своей фамилии. Я пытаюсь вспомнить, и у меня уже голова болит... какая моя фамилия.

— А какая же, все-таки, по вашему мнению?

— Я не знаю... Я предполагаю, и... мне почему-то кажется, что я Черепашкин, комендант дома на улице Красных Ботаников, 5.

— Откуда же у вас такое предположение? — прищурилась, спросил Томазян.

— Ничего не знаю. Не знаю наверняка, но предполагаю, и все.

— Вы действительно Черепашкин Иван Семенович, комендант дома на улице Красных Ботаников, 5.

— Слушайте, вы точно правду говорите? — у арестованного глаза заблестели от радости, но потом его снова охватил какой-то страх, и он зашептал: — Но он уверял меня, что я догадаюсь, вот только я сошел с ума...

— Успокойтесь, выпейте воды, закурите и расскажите, что с вами случилось...

Через минуту маленький человечек жадно затянулся сигаретой и начал рассказывать о своих приключениях, которые ему самому казались глупой фантазией.

— Я летел на самолете. Это я хорошо помню. Потом вдруг очнулся среди леса. Возле меня стоял мужчина, который спрашивал у меня, кто я такой и что я помню. Когда я все рассказал, он очень удивился, несколько раз переспрашивал меня и наконец сказал, что я ошибаюсь, что я не Черепашкин, а Догадов, не комендант дома, а сотрудник научно-популярного журнала «Заря». Я полез в карман за документами, и в этот момент заметил, что на мне какой-то другой костюм, не мой. На ногах краги. Вытащил из кармана

документы: они были на имя сотрудника журнала «Заря» Догадова. Мне показалось, что я схожу с ума. Затем... Не знаю, когда и как, но, видимо, я упал в обморок. Когда вновь очнулся, то был среди тайги один, с теми же самыми документами и в той же самой одежде. Я бродил по лесу, пока не встретил людей, я очень обрадовался. Люди, встретившиеся мне, посмотрели мои документы и сказали, что я арестован.

— Так, хватит, — перебил его Томазян. — Я все о вас знаю. Даже знаю, что вы летели в Иркутск вручать судебную повестку профессору Довгалюку, жильцу квартиры 19 по улице Красных Ботаников, 5.

Арестованный, широко распахнув глаза, смотрел на следователя. Его удивление и радость были безграничны.

— Так я Черепашкин? — закричал он, вскочил с кресла и схватил обеими руками руку следователя.

— Бесспорно. Вас арестовали по ошибке. Обвинения я вам не предъявляю, и вы освобождаетесь от ареста. Приношу вам свои извинения.

Черепашкин минуты три молчал. Медленно радость с его лица исчезла, и он вновь стал мрачен.

— Вы не имели права меня задерживать, — вдруг резким тоном заявил он следователю. — Это возмутительно! Я привлеку вас к ответственности! Я перенервничал, я требую...

— Успокойтесь. Выпейте воды. Никто не виноват, что вы не только дали выбросить себя из самолета, подменить документы, переодеть вас, но даже дали уговорить себя, что вы сумасшедший. Я привлекаю вас по этому делу как свидетеля.

— Позвольте! — закричал Черепашкин. — Я...

В этот миг зазвенел телефон. Томазян снял трубку. Звонил областной прокурор. Он известил Томазяна, что строительства поступил сигнал о катастрофе — наводнение в районе рудника № 925, — и туда немедленно выезжает комиссия в составе инженеров и представителя власти, и что получено из Москвы предложение включить в состав комиссии Томазяна.

САМБОРСКИЙ ПОЛУЧАЕТ ИЗВЕСТИЕ О КАТАСТРОФЕ

Самборский готовился к выступлению. Он в последний раз просмотрел записи в блокноте и поправил заключительный абзац, который собирался прочитать в конце речи. Приближается его время.

Заседание научно-технического совета происходило в небольшом полукруглом зале с высокими окнами на две стороны. На возвышении, за столом сидит академик Саклатвала, а рядом его заместители. Инженеры разных специальностей, геологи, хозяйственники, архитекторы, физики, транспортники, строители говорят кратко, излагая цифры, факты и предложения. Худой, с искаленным после какого-то давнего взрыва лицом, начальник стройки сидит неподвижно и слушает, не пропуская ни слова. Вдруг к нему подходит секретарь и подает свернутую бумажку. Саклатвала разворачивает, читает, а потом что-то шепчет одному из заместителей, встает и медленно выходит из комнаты.

Минуту спустя секретарь подошел к Самборскому и шепнул, что начальник стройки немедленно просит его к себе. Самборскому не пришлось выступать. Бумажкой, которую разворачивал и читал Саклатвала, была телеграмма-молния о катастрофе на руднике № 925.

— Откуда там могла появиться вода? — спросил начальник стройки.

— Только из подземного озера, лежащего километров в шести к востоку от тоннеля, на высоте триста метров над уровнем моря. Мы намечали провести оттуда реку для нужд тоннеля.

— Но ведь там были приняты все меры к изоляции озера? Мы же предполагали установить соответствующие гребни и щиты?

— Все было сделано так, как предполагалось. Десятки раз я лично проверял. Не могу представить, как это могло

произойти. При других условиях, я сказал бы, что здесь имело место преступление.

— Вы немедленно должны вылететь на место катастрофы, выяснить, что именно случилось, каковы возможные последствия и что надо делать...

Самборский вышел из кабинета начальника, забежал в одну из комнат управления, по телефону заказал экстренный самолет, просмотрел последние радиограммы, поступавшие со стройки, и мигом выскочил на улицу к автомобилю. Но только он хотел захлопнуть дверцу авто, как в них просунулась голова Макухи.

— Голубчик, подожди, — просил географ, — у меня важное дело.

— Не могу ждать, — ответил Самборский и крикнул шоферу: — На аэродром!

— Да я же тебя не задержу, — сказал Макуха и вскочил в машину. — А по дороге поговорим.

Самборский подгонял шофера, рассеянно слушая, что ему говорит Макуха.

— Здесь ты должен уступить, — уговаривал географ инженера. — Я снова и снова получаю жалобы от своих палеонтологов. На 925-ой обнаружена исключительной ценности находка, и не дают ее исследовать. Это возмутительно. Я решил пока что к Саклатвале не обращаться, а самому выехать на место.

— Это будет самое лучшее. О находке я знаю, однако, сейчас ее уже не спасешь.

— А что случилось? Мне телеграфировал Черепашкин, что кости еще на месте, но один из твоих помощников грозит выбросить их на поверхность раньше, чем закончат раскопки. Я приказал Черепашкину ускорить раскопки, но, понимаешь...

— Черепашкин? Знакомая фамилия. Это кто такой?

— Новый палеонтолог. Несколько дней назад мы приняли его на работу. Он проявил себя как чрезвычайно смелый и энергичный человек.

— Странное стечение обстоятельств. Я помню одного Черепашкина, коменданта дома, где жил профессор Довгало. Ты должен помнить, он нас запер в солярии.

— Ты знаешь, — Макуха потер пальцами левую щеку, — он, кажется, писал в анкете, что по каким-то причинам вынужден был работать комендантом дома... но я не обратил внимания...

— Комендантом? А ты знаешь, что тот недавно исчез?..

В это время автомобиль подъехал к аэровокзалу.

— Прости, — сказал инженер географу, — в следующий раз закончим разговор. Я должен лететь со скоростью пули.

Он выбежал на аэродром. За ним едва поспевал служащий, который должен был показать, где его самолет. Через пять минут Самборский был в воздухе, и пилот, даже не сделав традиционного круга над аэродромом, повел машину на полной скорости на северо-восток. Инженер сидел в кабине, закрыв глаза, весь погрузившись в мысли. Он думал о причине катастрофы, и она почему-то связывалась в его воображении с палеонтологической находкой. Ведь кости доисторических животных были найдены именно вблизи шлюза.

17.

СПАСЕНИЕ

Профессор Довгальок не отвечал на вопросы, когда к нему обращались, и ни с кем не разговаривал. Вокруг него люди боролись за жизнь; большинство из них были по горло в воде. Они нащупывали камни, чтобы стать на них и отдалить время гибели или дожждаться спасения, обещанное бригадиром, который вроде бы говорил по телефону с инженером. Аркадий Михайлович, стоя на своем возвышении, казалось, ничего не замечал. Но его мозг напряженно работал, ища выход из положения. И вдруг он вспомнил про крыс, которых видел, когда шел к телефонной будке. Они спасались на вагонетках. Неизвестно, удастся ли спастись тем крысам, но люди...

— Товарищи! — крикнул профессор. — Товарищи, мы спасены! Слушайте меня.

Его старческий голос зазвучал сильно и уверенно, и привлёк к себе внимание.

— Товарищи, надо идти или плыть до вагонеток. Это метров сто отсюда.

Бригадир, стоявший возле профессора, сразу понял его. Он объяснил товарищам, что надо делать. Почти все они умели плавать и немедленно поплыли за бригадиром и профессором.

Вагонеток уже не было видно из-под воды. Но Аркадий Михайлович нащупал одну из них, зацепившись ногой. Только он почувствовал её под собой, как сразу встал на ноги. Теперь вода доходила ему лишь до колен. Он закричал, и все пловцы двинулись к нему, и один за другим начали лезть на вагонетку. Несколько человек устроились на соседних вагонетках. Каждый вздохнул с облегчением, хоть и не считал себя полностью спасённым, то, тем не менее, надежда на спасение у людей возросла.

Аркадий Михайлович думал о том, каким бы способом связаться с теми, кто должен был быть в главном туннеле. "А может, там уже никого не осталось? Одни погибли, а

другие спаслись», — мелькали тревожные мысли, когда он вглядывался в сумрак над водной поверхностью, ища выхода из штольни. Именно в такую минуту он заметил словно бы слабый отблеск прожектора. Что это? Аркадий Михайлович вглядывался туда, не отрываясь. Его спутники тоже напряженно следили за признаками приближения людей. Свет шел из центрального тоннеля, значит, там происходило какое-то движение. Такие лучи мог бросать движущийся за поворотом штольни литостат или танкоход. Не иначе, как одна из этих машин шла к ним на выручку.

— Эге-ге-гей! Сюда! Сюда! Спасите! — закричали все и потом напряженно вслушивались, нет ли ответа.

Там, вдали, свод штольни оставался освещенным, но ответа на крики не слышалось.

— Кричите, кричите, ребята! — призывал бригадир.

И вот до них донесся слабый отклик, потом яснее, и они поняли, что приближается помощь. Скоро все заметили, как по воде что-то плывет, а вскоре увидели людей.

— Аркадий Михайлович, — раздался мальчишеский голос, и профессор узнал по нему Тараса.

Спасатели приблизились. Один из них, очевидно старший, спросил, все ли здесь, и, получив ответ, начал командовать, кому в первую очередь плыть к танкоходу.

— Всех сразу взять не сможем, — сказал он, — разделимся на четыре партии.

В первую партию он включил Аркадия Михайловича и двух наиболее слабых рабочих, и приказал Тарасу и еще двум спасателям возвращаться. Профессор хотел остаться, но бригадир и другие рабочие поддержали приказ, и он, вместе со своим секретарем, уцепившись за какую-то деревянную скамью, поплыл к главному тоннелю.

ЛИКВИДАЦИЯ КАТАСТРОФЫ

Когда Самборский прибыл на прииск № 925, он уже знал, какие меры надо принять для ликвидации наводнения. Выйдя из кабины самолета, он сразу передал радисту лист бумаги из своего блокнота. Это была радиограмма на имя Саклатвалы следующего содержания: "Считаю необходимым ускорить проходку путем взрыва перемычки между Восточной и Приморской зонами. Это даст возможность спустить воду в Охотское море и приведет к ликвидации наводнения. Жду вашего решения. Самборский».

Инженер рассчитывал, что это будет лучший способ преодолеть последствия неожиданной катастрофы. Выкачивать воду помпами с глубины в полтора километра он считал невозможным, так как это, по крайней мере, на полгода задержало бы окончание строительства и потребовало бы большого количества энергии, которого строительство пока не имело. Перемычка между Восточной и Приморской зонами была продолжительностью около двух километров. А дальше, до самого моря, тоннель был проложен, и уже начиналось внутреннее оборудование подземного пути. Так как тоннель проходил на несколько метров выше уровня моря, вода должна была стечь естественным путем.

Почти успокоенный тем, что нашел способ полного устранения катастрофы, Самборский подошел к шахтной надстройке. Его встретили несколько инженеров и техников, работавших на поверхности.

— Где Кротов? — спросил Самборский.

— В тоннеле.

— Вызовите его к телефону.

Самборский выслушал краткие сообщения инженеров о положении на их участках и быстро вошел в курс дела. Потом по телефону поговорил с Кротовым, от которого узнал о спасении людей из Северной штольни. Кротов также сообщил о прибытии к центральному посту профессора Дов-

галюка и обещал в течение одного-двух часов вывести из штольни всех людей.

В это время из кабины поднявшегося на поверхность лифта вышли Аркадий Михайлович и Тарас. Самборский оставил телефон и побежал к своим друзьям. Он обнял профессора, прижал к груди Тараса и хотел их о чем-то спросить, но его позвали к радиотелефону.

— Вас просит академик Саклатвала, — сказал дежурный телефонист.

Начальник строительства согласился на предложение Самборского взорвать перемычку, лишь заявив, что взрыв будет производиться со стороны приморской зоны. Кроме того, он сообщил, что на место катастрофы вылетела специальная комиссия для расследования причин катастрофы и полного искоренения ее последствий.

— Вы назначаетесь заместителем председателя комиссии, — сказал Саклатвала.

Через каких-то полчаса над зданиями рудника № 925 появился выкрашенный бело-синими полосами самолет. Это была раскраска самых быстрых пассажирских самолетов, появившихся всего несколько недель назад на аэролинии Москва — Владивосток.

Впервые такой самолет делал посадку в этой местности. Это прибыла комиссия из Иркутска.

Самборский позвонил по телефону Кротову и, узнав, что спасательные работы в Северной штольне закончены, приказал ему подняться на поверхность.

Шесть членов комиссии зашли в кабинет Самборского. Он был седьмым. Председателем комиссии был начальник политического управления строительства Крюков. Других членов комиссии, кроме одного, Самборский также хорошо знал. Но этого одного, незнакомого, он, казалось ему, он когда-то где-то видел. В самом деле, так это и было. Когда тот поздоровался и представился «Томазян», инженер сразу его вспомнил.

— Пойдем, встретим Кротова и спасенных из Северной штольни, — предложил Самборский.

Комиссия подошла к вестибюлю надшахтного здания и минуты две ждала, пока кабина лифта поднималась с глубины. Оттуда вышло человек пятнадцать во главе с Кротовым. Кротов поздоровался и сказал:

— Позвольте отрекомендовать вам спасателей и спасенных из Северной штольни... А среди них — главного организатора спасательных работ, товарища Черепашкина, — и он показал на высокого палеонтолога в мокрой, измазанной одежде.

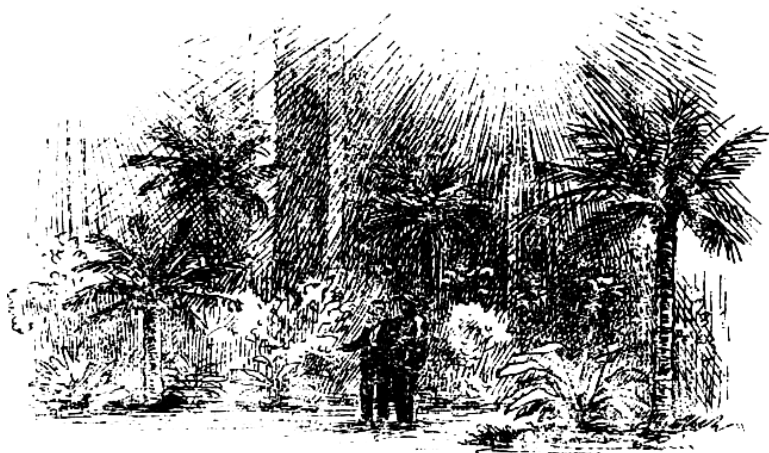

— Вы ошибаетесь, — сказал, выступая вперед, Томазян, — это организатор катастрофы. — И, обращаясь к палеонтологу, сухо произнес: — Гражданин Догадов, вы арестованы.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Несколько дней назад была закончена пробивка тоннеля: спешно завершалось шлюзование секторов между подземными станциями на нескольких отстающих участках, заканчивалось цементирование, рабочие-дорожники прикрепляли последние рельсы. Шло соревнование между Востоком и Западом за право пустить первый экспресс вдоль всего подземного пути. На большинстве участков уже ходили местные поезда, развивая скорость грузовых самолетов. На одном из них впервые проехал академик Саклатвала из Иркутска до станции «Глубинная», — так называли станцию, расположенную в руднике № 925. Там начальнику стройки рапортовали инженер Самборский и профессор Довгалюк.

Аркадий Михайлович в свое время подал проект подземного тропического леса, который он собирался насадить в огромной пещере, образовавшейся после того, как оттуда вытекло озеро. После долгих вычислений, сделанных различными экспертами, управление строительства согласилось на этот проект.

Теперь Аркадий Михайлович смог показать Саклатвали эту пещеру, размером сорок миллионов кубометров, всю освещенную электрическими «солнцами». Высота ее в отдельных местах достигала пятидесяти метров. Крепкий базальтовый потолок подпирали сотни металлических колонн; дно было засыпано соответствующе приготовленной почвой, как того требовали растения, посаженные здесь профессором.

Саклатвала с наслаждением дышал свежим, насыщенным озоном воздухом с примесью ароматов роз и ландышей. Это пахли растения, выращенные Аркадием Михайловичем еще у себя в солярии.

После обхода подземных садов начальник строительства посоветовал Аркадию Михайловичу и Тарасу ехать или в Москву или во Владивосток, чтобы принять участие в первом рейсе подземного экспресса.

— Угадывайте, кто завоюет право первенства — Восток или Запад? Но участие в первом рейсе с той или иной стороны вам обеспечено, — сказал он.

Ботаник и его секретарь долго не могли решить, куда им ехать. Аркадий Михайлович предлагал ехать в Москву.

— Там обязательно закончат раньше, — уверял он, — и оттуда отправится первый поезд.

По мнению Тараса, первый поезд должен был уйти из Владивостока. Наконец, они решили, что Аркадий Михайлович поедет в Москву, а Тарас — на восток, во Владивосток. Подземная линия Владивосток — Тихоокеанск уже работала.

Тарас прибыл в Тихоокеанск в тот день, когда предполагалось закончить строительство. Уже утром на вокзале подземной железной дороги, который выходил здесь почти на поверхность, стоял готовый электропоезд, состоявший из двадцати пяти длинных металлических вагонов.

На площадях, на перекрестках улиц, на высоких домах виднелись огромные экраны с показателями соревнования между Западным и Восточным участками подземного строительства. В двенадцать часов дня на экранах были такие

цифры: Запад — 99,87 %, Восток — 99,86 %. Восток отставал от Запада. О показателях соревнования сообщалось ежечасно. Толпы любопытных росли у экранов. Шли последние часы до окончания работ в тоннеле: кто победит?

В три часа дня цифры были такие: Запад — 99,96 %, Восток — 99,95%. Громкоговорители извещали, что в восточном секторе закончена приемка шлюзов. Восток усилил темпы, но все же отставал от Запада.

В четыре часа дня на экранах изменились показатели. Оба сектора имели одинаковые цифры — 99,9 %. Тарас аж дрожал от волнения. "Неужели закончат вместе?", — спрашивал он себя, — и переживал это не меньше, чем боялся, что западный сектор победит.

В это время по репродуктору сообщили, что двери в вагоны открыты, и пассажиры могут занимать свои места. Сжимая в руке приглашение и билет, Тарас стоял, не двигаясь с места. Он нетерпеливо ждал, пока на доске показателей появится цифра 100. Но она все не появлялась. Работы в тоннеле еще не закончены. Собственно говоря, Тарас хорошо понимал, что все работы уже закончены, и дело идет лишь о приемке туннеля инспекторской комиссией строительного управления. Происходило это где-то в Иркутске. Там, в штабе строительства, принимают с разных участков тоннеля последние сообщения технических инспекторов. Вдруг в 4 часа 13 минут на доске показателей появилась надпись: «Восток — 100 %; Запад — 99,98 %».

Восток победил.

20.

ТИХООКЕАНСК—МОСКВА

В семнадцать часов пять минут резкий звонок возвестил, что двери вагонов закрываются. Над головой у Тараса раздался негромкий хлопок, и электрические лампы засияли сильнее.

Тарас взглянул на циферблат скоростемера, который был в каждом купе. Стрелка показывала 390 километров в час. Поезд уже шел с такой скоростью. Но стрелка потихоньку двигалась дальше: 560, 610, 730, 840. Однако, машинист не унимался, он снова начал увеличивать скорость и, наконец, та достигла 1210 километров в час. Теперь поезд пролетал километр за три секунды — быстрее, чем скорость звука в воздухе. Он обгонял самые быстрые самолеты.

Пассажиры слышали только легкий шум, звон и какое-то потрескивание. Иногда немного качало. Это свидетельствовало о некоторых, даже незаметных на глаз неровностях в отдельных местах подземного пути.

Тарас огляделся вокруг себя. Он — в небольшом двухместном купе. Мягкие диваны и стены. Пол застелен толстым ковром, и даже потолок — мягкий. Это должно было обеспечить безопасность от удара на случай неожиданной резкой остановки во время торможения.

В вагоне сохранялась постоянная температура в 20°. Воздух был чист и свеж, словно после грозы. Это действовала установка искусственного климата. Ни жары, ни холо-

да, ни головной боли от сперттого воздуха. В каждом купе были рукоятки, которыми пассажиры могли регулировать температуру воздуха.

Вдруг послышался стук в дверь. К ним вошла девушка в белом халате.

— Желаестелегких закусок или напитков? — спросила она.

Тарас вспомнил, что он еще не обедал.

— Да, желаем, да еще и очень, — ответил он.

— Тогда прошу пройти в ресторан.

— Ну, что ж, пройдемте! — сказал Тарас своему спутнику.

Через восемь вагонов они попали в вагон-клуб. Здесь было еще мало пассажиров: один угол заняли любители шахмат и домино, а во втором устроились несколько друзей, проводя время в приятном разговоре. За вагоном-клубом следом шел вагон-ресторан. Меню обеда состояло из двадцати восьми блюд. Но только подали первое блюдо, как Тараса вызвали к телефону.

Говорил Аркадий Михайлович.

— Да! Я! — отозвался Тарас. — Вы откуда говорите?

— С поезда номер два. Москва—Тихоокеанск. Поздравляю тебя с победой тихоокеанцев! Передай в Москве привет от меня. Сегодня вечером Черняк, редактор «Зари», устраивает собрание старых друзей. К сожалению, я не смогу быть на нем.

На этом разговор закончился.

После обеда, вернувшись в свое купе, Тарас сейчас же лег спать и моментально уснул. Поезд мчался безостановочно, не сбавляя скорости. Вдруг что-то сильно дернуло Тараса, и какая-то неведомая сила потащила его вперед. Тарас попытался схватиться за диван, но съехал на мягкий пол, и сразу проснулся.

— Подъезжаем, — сообщил мальчик своему спутнику.

Через десять минут поезд мягко остановился. Освещение уменьшилось, послышался шум над головой и вдоль вагона. Это происходило «раскупоривание» герметически закрытых вагонов. Откуда-то доносились звуки музыки.

— Нас встречают! — догадался Тарас.

Пассажиры забирали свои вещи и спешили из вагона. Когда вышли на перрон, Тарас отыскал глазами часы и показал на них своему спутнику.

— Четыре часа тридцать две минуты! — вскрикнул тот.

— Мы ведь выехали в пять часов. Значит, мы опередили солнце!

21.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Антон Павлович Черняк сегодня принимал своих близких друзей. В восемь часов вечера гости начали собираться. Первым пришел Тарас Чуть, а за ним Макаренко, Самборский, Макуха и еще несколько человек. Все делились впечатлениями от Москвы, в которой давно не бывали, вспоминали работу в тоннеле, свои споры, которые уже были решены. Многие смеялись, вспоминая приключения, которых случилось немало за эти годы.

— Одного здесь среди нас не хватает, — сказал Макаренко, оглядывая присутствующих, — и я предлагаю поднять бокалы за него.

— За Аркадия Михайловича! — закричали все, сразу догадавшись, кого имел в виду Макаренко.

В это время в дверь кто-то постучал.

— Войдите! — пригласил хозяин.

Все вернулись. Дверь открылась и на пороге показался следователь Томазян.

— Простите, что я задержался, — сказал он, — хоть я и обещал Антону Павловичу прийти вовремя. Задержало дело, которое, видимо, и вас всех здесь интересует.

— Садитесь к столу, — пригласил Черняк, — и рассказывайте о деле, если оно действительно нас интересует.

Следователь уселся в тесном кругу, попросил стакан воды и, спокойно поглядывая на заинтересованные лица друзей, сказал:

— Я закончил следствие по делу Догадова и передал за подписью прокурора в суд.

Редактор "Зари" аж поднялся с места. Дело бывшего сотрудника журнала не могло его не интересовать.

— Кто он? — спросил Самборский. Потом, улыбаясь, глянул на Макуху, и добавил: — Опытный палеонтолог?

— Да, — ответил Томазян, — только он не специалист по изучению кладбищ доисторических животных, а по созданию кладбищ современных людей. Агент чужой державы. Даже не одной, а двух. Наконец-таки признался, хоть и не полностью. Думаю, что кое-чего он все же нам не сказал. Признался лишь тогда, когда все свидетельствовало против него, когда бороться против улики стало совершенно невозможно. Так вот. Он специально прибыл сюда из-за границы для подрывной работы. Я понимаю, что кое-кому из вас, товарищи, очень неприятно вспоминать, как этот Догадов обманул вас и сумел втереться в доверие. Не волнуйтесь, Антон Павлович, да и вы, товарищ Макуха! Среди вас есть еще кое-кто, кого Догадов обманул и чуть не лишил жизни, хоть этот кто-то, очевидно, забыл о нем.

— Это я! — вскрикнул Тарас. — Когда я встретил его с Кротовым у шахты № 925, мне показалось, что я уже где-то видел его. Теперь я вспомнил. Он был моим спутником в поезде, когда я возвращался в Староднепровск, — волнуясь, стал рассказывать мальчик.

— Правильно! — сказал следователь. — И он же выбросил тебя, мой друг, из поезда, только по счастливой случайности ты остался жив.

— Это все благодаря врачам городской больницы, — вставил Макаренко.

— В этом он особо долго не признавался, — говорил следователь. — Но нам удалось собрать неопровержимые доказательства. Мы даже узнали, что за этот поступок он получил выговор от своего начальства, потому что там сочли его ненужным и опасным. Так же признал он себя виновным в нападении на Черепашкина. Он его оглушил и выпрыгнул вместе с ним на парашюте, надеясь впослед-

ствии выпытать у него нужные сведения. Оказалось, что он заметил какие-то записи у Черепашкина, которые свидетельствовали о том, что Черепашкин близко знает профессора Довгалока. Он выпросил все, что мог, но много это ему не дало... Дальше, правда, его показания немного расходятся с показаниями самого Черепашкина. Догадов не отрицает, что переодел коменданта в свою одежду, заменил документы и хотел впоследствии его убить. Но прежде, чем враг надумал исполнить свой замысел, Черепашкин сбежал. Довольно легко диверсант устроился палеонтологом. Ему повезло попасть на один из самых ответственных участков туннеля и, воспользовавшись палеонтологической находкой, устроить небольшой взрыв, и пустить с Верхнего озера воду в шахту. На этом его деятельность была нами остановлена.

— Зачем же это все было сделано? — поинтересовался Тарас.

— Этого требовали интересы соседних государств. Они лихорадочно готовятся к войне с нами и понимают, какое стратегическое значение имеет тоннель.

— И как это он сразу пронюхал про тоннель и про нашу встречу в солярии у Аркадия Михайловича? — спросил Макаренко.

— Устроившись в редакцию «Зари» техническим консультантом, он намеревался раздобыть сведения о наших самолетах, в том числе, и о самолете Шелемехи. Подслушал разговор нашего уважаемого хозяина с профессором Довгалоком, через день-два узнал о ваших «Вечерах фантазии»; к тому же, оказывается, физик Гопп, когда был в редакции, рассказывал об идее глубинного пути. Шпион схватывал все на лету, и прекрасно сориентировался. У себя на родине он прошел хорошую школу. Его настоящее имя и фамилия Томас Гэл.

— Негодяи сумели обмануть многих людей, — продолжал Томазан. — И поэтому мы всегда должны быть бдительными. Но — негодяев гораздо меньше, чем честных людей, и поэтому бдительность не должна превращаться в

подозрительность, значит, нужно ценить доверие к человеку, надо верить в человека. "Человек — это звучит гордо!" — сказал великий писатель, и, веря в это, мы творим великие дела. Вот здесь, в вашем кругу, в кругу победителей подземных пространств, я чувствую себя прекрасно, ибо вы утверждаете право человека на гордость.

Томазян провозгласил тост за гордость, и его радушно поддержали все присутствующие.

В это время в соседней комнате зазвонил телефон, и Черняк вышел из-за стола. Гости остались одни, продолжая оживленный разговор. Тарас смотрел на взрослых и думал о том, что пройдет несколько лет и он будет таким же, как они.

Мальчик встал из-за стола, подошел к открытому окну и взглянул на звездное небо. В Москве звезды были бледные, едва видны, потому что электричество, заливавшее город, освещало небо, и от яркого света бледнели далекие звезды. Тарас подумал о звездах и невидимых планетах вокруг них: «Есть ли там такие покорители подземных глубин, каким буду я?» Вдруг резко начало темнеть, гасли электрические фонари, и в небе над столицей вновь ярко засияли звезды.

В гостинице тоже погас свет. Послышались поспешные шаги. Из другой комнаты вошел Антон Павлович.

— Война!.. — взволнованно воскликнул он... — Сегодня некоторые государства предъявили ультиматум — выдать им Томаса Гела. Им было отказано. Без предупреждения, час назад, произошло одновременное нападение на наши восточные и западные границы. Владивосток, Тихоокеанск, Одесса, Минск, Каменец подверглись нападению вражеской авиации. Под Хабаровском, Винницей и Житомиром происходят воздушные бои, на границах уже грохочет артиллерийская канонада... Предполагается, что враг намерен напасть с воздуха на Москву...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

ШЕЛЕМЕХА ПРИНИМАЕТ БОЙ

В полдвенадцатого к телефону экстренно вызвали командира Н-ской бригады истребителей полковника Шелемеху. Новость, которую ему сообщили, словно наэлектризовала командира. Через полминуты на аэродроме звенели тревожные звонки, в разных направлениях неслись автомобили, телефонами вызвали из дома пилотов, из подземных ангаров выкатывали самолеты, при свете фонариков возле них бегали механики, и красноармейцы из аэродромной команды быстро наполняли баки бензином и подвозили в ящиках патроны.

Бригада состояла из 144 стратосферных самолетов, вооруженных 40-миллиметровыми автоматическими пушками. Они выстроились звеньями, отряд за отрядом, эскадрилья за эскадрильей. У командного пункта собрались командиры соединений и начальники штабов. Разговор с командиром бригады занял всего пять минут.

— Товарищи командиры, — обратился к ним Шелемеха, — враг напал на нашу страну! Вражеские эскадрильи прорвали две линии воздушных заграждений и летят к Москве. Наша задача — перехватить тех, кто прорвется через третью линию. Приказываю командирам эскадрилий поднимать в воздух свои соединения и вести на Запад. Высота — восемнадцать километров. Все дальнейшие приказы приме-

те по радио. Пользуйтесь шифром 7а. Командирам эскадрилий и отрядов самим в бой не вступать. Спешите!

Через двадцать минут после того, как Шелемеха получил приказ, первая эскадрилья поднималась в воздух.

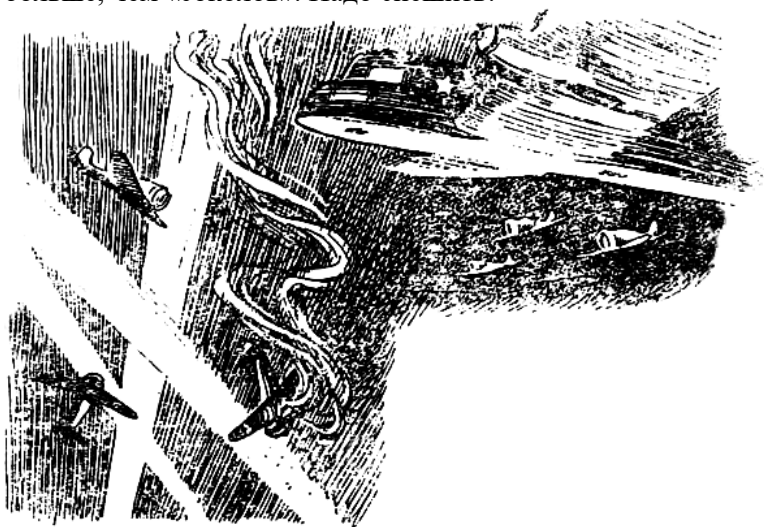
Последним в воздух поднялся большой командирский самолет. Это была летучая крепость, вооруженная шестью пушками, со сложной радиоустановкой, с восемью членами экипажа. Эта крепость отличалась исключительными летными качествами. Шелемеха поднял самолет, и только на высоте восемнадцати тысяч метров передал штурвал другому пилоту, а сам, поправив наушники, слушал главного штурмана и отдавал распоряжения радисту. Он держал связь с командирами эскадрилий, те — с командирами отрядов, а командиры отрядов — с командирами звеньев.

Одновременно Шелемеха держал связь с землей. Оттуда через каждые три минуты оповещали о движении вражеских самолетов. Полковник знал, что эти сообщения не всегда точны, потому что иногда они построены на предсказаниях. Но для ориентировки ему и этого было достаточно. Уже значительно прореженные, вражеские эскадрильи не имели начальной четкости движения и руководства. Поте-

рвав много самолетов, они продолжали рваться к сердцу страны, к Москве.

Вражеские эскадрильи шли на разных высотах: одни — почти в стратосфере, вторые — значительно ниже, а третьи — мчались бреющим полетом, насколько это позволяла им ночная тьма. Шелемеха знал — вражеские самолеты шли без огней. Если бы не прожекторы и не звукопеленгаторы, то никто и не догадывался бы о враге в воздухе.

Полковник посмотрел на карту, освещенную маленькой лампочкой, прикинул, где его эскадрильи, где должен быть враг, и приказал радисту передать сигнал: «Готовиться к нападению». Затем распределил задачи между эскадрильями и отрядами. Еще несколько минут — и была подана команда: «Осветительные парашюты!» Сто сорок четыре снаряда полетели вниз. Пролетев километр-два, они повисают на парашютах и освещают огнем факелов небо и землю. Безоблачная ночь помогает летящим в небе нашим соколам. Пилоты-истребители вдруг замечают под собой «черных воронов», которые рвутся вперед с грузом зажигательных, отравляющих, фугасных бомб. «Воронов» значительно больше, чем «соколов». Надо спешить!

«Соколы» резко пикируют, бросаются вниз, нацеливаются острыми «клювами» на врага и посылают смертоносные гостинцы из своих сорокамиллиметровых пушек. Стальные гостинцы бьют по «воронам», и за три-четыре минуты боя несколько десятков тяжелых хищных «птиц» падает на землю, обозначая место своего падения огненными всполохами. Прожекторы освещают в воздухе купола парашютов и людей, раскачивающихся под ними. Это те, которым повезло спастись из машин, охваченных пламенем, из машин, что падали наземь. Если бы эти машины не несли смертоносного груза, большинство из них смогло бы приземлиться. Но вынужденная посадка полного взрывчатых веществ самолета невозможна. Часть авиабомб взрывалась в воздухе, часть, падая на землю, взрывались там, внизу, поджигая окружающие леса и нивы.

Несколько десятков вражеских истребителей, уцелевших после прорыва первых линий воздушного заграждения, пытаются вступить в бой с бригадой Шелемеха. Гремят выстрелы, и вверх взлетают ракеты-парашюты, чтобы обозначить расположение «соколов». Вражеские истребители пытаются сдержать наших. Но число врагов быстро редет, сто сорок четыре советских истребителя продолжают сбивать черных «воронов». Редко кому из «воронов» удается подбить советского «сокола» и задержать остальных, и лишь отдельные бомбовозы прорываются через третью линию воздушной обороны, лишь единицы смогли избежать преследования. Дальше, через сто километров, их ждет четвертая линия обороны.

Тем временем, Шелемеха сам мчится на вражеские истребители, которые осыпают его снарядами и пулями. Шелемеха принимает воздушный бой. Несколько советских истребителей спешат на выручку своему командиру. Пушки командирской машины бьют с перебоями. Часть их выведена из строя. Убит радист, тяжело ранен штурман, полковник получил легкое ранение. И воздушные стрелки бьют по врагам. Они сбивают седьмой вражеский самолет. Шелемеха передает штурвал, переползает к радиопередатчику и начи-

нает вызывать командиров эскадрилий. Но не все командиры откликаются. Он слушает передачу с земли: под Серпуховом сбиты последние вражеские бомбовозы. Шелемеха дает сигнал — возвращаться на аэродром. Затем командует зажечь все сигнальные огни на самолетах. По количеству этих огней он пытается подсчитать, сколько машин возвращается домой, и с горечью видит, что на аэродроме не досчитаются некоторых из тех, кто вылетал вместе с ним на воздушный бой. Но сердце его наполняет гордость: врага в столицу не пустили!

2.

В МИНИСТЕРСТВЕ

События, произошедшие этой ночью в Европе и в Азии, заставили всех напряженно работать. Все знали о нападении на Советский Союз, об объявлении священной войны против коммунизма. Страна придерживалась нейтралитета. Об этом было объявлено на заседании совета министров, которое закончилось в три часа ночи. Но кто знает, что будет дальше. Народ против войны. А правительство?

В половине пятого утра к военному министерству подкатил черный закрытый автомобиль премьера. В кабинет министра вызвали начальника Генерального штаба и начальника Секретно-разведывательной службы.

Председательствовал министр, но тон задавал Премьер. Он напряженно ходил по кабинету, время от времени останавливаясь у карты военных действий, занимавшей полстены. Когда в кабинет явились вызванные генералы, Премьер сказал начальнику штаба:

— Докладывайте, как проходят события и как, по вашему мнению, они будут развиваться.

Генерал осанился, подошел к карте, взял длинную указку и начал докладывать коротко и сжато.

— Выступление началось вчера, в 9 часов 20 минут. Сразу произошли довольно удачные воздушные налеты на

ряд советских приграничных городов. Воздушной армаде западных держав, пытавшейся прорваться к Москве, не повезло. Она почти целиком погибла, при этом нанеся немалые потери советской авиации. Бронетанковые и моторизованные корпуса на востоке и на западе перешли в наступление, и хотя ими и было встречено на пограничных линиях жесткое сопротивление, но им удалось сломать его своим количеством и отвагой. К сожалению, наступление разворачивается не такими темпами, как предполагалось. Количеством силы Красной Армии равны силам союзных держав. Бросив большую часть своих сил против наступавших на восточном фронте, выставив достаточный заслон на западном, красные могут одержать решающую победу сначала на одном, затем на втором фронте. К счастью, между этими фронтами колоссальное расстояние.

— Но, увь, — перебил премьер, — подземный путь у красных закончен раньше, чем началась война. Они могут быстро перебрасывать войска с востока на запад, и наоборот.

— Безусловно, да! Тем не менее, вряд ли это будет иметь сейчас решающее значение. Они не так скоро освоят этот путь. Во всяком случае, если они отобьют первое нападение, то у них не будет сил быстро перейти в наступление. Между тем, и на Западе, и на Востоке в захваченных нами приграничных районах строятся укрепления. Крепости располагаются под землей; война, безусловно, будет затяжная, то есть будет соответствовать нашим предсказаниям. Война на истощение! В последнюю минуту могущественная держава, которая сможет прийти на помощь или своей техникой, или своим флотом и авиацией, решит судьбу войны и сможет диктовать свои условия и побежденному, и победителю.

— Хорошо, — сказал премьер, — на всякий случай, мы должны держать страну готовой к войне! Теперь — ваше слово, — обратился он к начальнику Секретно-разведывательной службы.

— У меня новости не совсем приятные. В тылу у союзных держав не все в порядке. Получены сведения о беспор-

рядках на окраинах. Но и среди коренного населения союзных государств наблюдается большое недовольство, несмотря на то, что там объявлено, будто большевики напали на их границы. Больше всего меня беспокоят сведения о мощности тоннеля на пятьдесят шестой параллели, только что полученные от нашей агентуры. Хотя тоннель только что вступил в строй, но по нему можно перебрасывать в течение суток примерно стотысячную армию.

— Скажите, — обратился премьер к начальнику Секретно-разведывательной службы, — у нас есть возможность повлиять на развитие событий?

— Наш главный агент работает в тоннеле, — ответил генерал. — Он почти регулярно, хотя не часто — по мотивам конспирации — информирует нас. Наши агенты сохранились лишь благодаря своей малочисленности, исключительной квалификации и, возможно еще, полной пассивности, ибо для активной работы мы стараемся использовать агентов других государств.

Вошел секретарь, подал министру папку и вышел.

— Последняя сводка о положении на фронтах, — сказал министр. — «Восточный фронт, — начал читать он. — Наступление происходит медленно, но с несомненными успехами. Резервная армия красных, количеством до одного миллиона человек, участия в боях не принимает. Есть основания думать, что ее перебрасывают на Запад. Со стороны красных особенно упорно обороняется 56-й корпус, в том числе, 3-я дивизия. После трехчасового боя части корпуса даже продвинулись вперед.

Западный фронт. — Решительно начатое наше наступление прекращается, из-за жестокого сопротивления пограничных частей красных. Особенно ожесточенные бои разворачиваются в направлении на Житомир. Под Минском затишье. Есть сведения, что там скапливаются большие силы красных. Расшифровано сообщение о том, что к утру там ждут 3-ю дивизию из состава 56 корпуса. Вблизи фронтовых линий происходят ожесточенные авиационные бои без решающей победы с любой стороны».

Премьер, взглянув на начальника Секретно-разведывательной службы, спросил:

— Вы поддерживаете связь со своим агентом в тоннеле?

— Да. У нас работает для этого специальная радиостанция. Восемь раз в день мы передаем инструкции, рассчитывая, что, по крайней мере, раз в два дня он может их принимать. Думаю, что теперь он принимает чаще.

— Ладно. Передайте приказ — немедленно и любой ценой прервать сообщение по туннелю.

3.

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Война началась внезапно, но она не была неожиданной. Командование Красной Армии бдительно готовилось к предполагаемому нападению и сумело достойно встретить первые удары. В ту ночь на ноги была поднята вся армия, и еще до утра прокатилась волна мобилизации. Общая мобилизация в Советском Союзе закончилась одновременно с окончанием мобилизации в нападающих странах.

В ту же ночь редактор журнала "Заря" был вызван в военкомат, а через два часа его назначили начальником информационного подотдела прессы штаба Западного фронта...

Тарас явился на призывной пункт, желая вступить добровольцем в Красную Армию, но ему отказали, как несовершеннолетнему. Тогда он разыскал Черняка, и тот взял его к себе секретарем.

В час дня дивизионный комиссар Черняк прибыл со своим секретарем в штаб западного фронта и тотчас же приступил к работе. Бои шли где-то в ста километрах от штаба.

Сведения, полученные штабом Западного фронта, свидетельствовали, что враг, с помощью несколько ударных отрядов, пытался в заранее выбранных местах прорваться через линию фронта. Части Красной армии смогли не только сдерживать наступление врага, но и сами начали готовиться к прорыву. С востока большим подземным путем

перебрасывалась миллионная резервная армия. Первыми прибыли части 56-го корпуса, которые несколько часов назад участвовали в боях на востоке. Каждый час прибывало от двадцати до двадцати пяти тысяч человек. Возле Минска предполагалось сосредоточить полтора миллиона бойцов с большим количеством новейшего вооружения. Этот бронированный «кулак» должен был прорвать вражеский фронт на несколько сот километров, полностью дезорганизовать врага и дать возможность Красной Армии перейти в наступление по всей линии Западного фронта. Таков был план Красного командования. Ставилась задача провести сосредоточение войск как можно скорее.

К семи часам вечера с Дальнего Востока прибыло двести пятьдесят тысяч бойцов. Они выгружались на значительном отдалении от фронта, потому что подземная железная дорога проходила лишь на двести восемьдесят километров к западу от Москвы.

Части продолжали регулярно прибывать, одна за другой. Туннель работал четко, непрерывно увеличивая свою пропускную способность.

Под вечер в комнату Черняка забежал один из сотрудников и обратился к комиссару:

— Товарищ дивизионный комиссар, доставка войск тоннелем была неожиданно прекращена. Говорят, будто бы там произошла катастрофа!

4.

МАКАРЕНКО ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ В МОСКВЕ

В первый же день войны в приемной штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Союза Советских Социалистических Республик можно было увидеть инженера Макаренко. По каким-то причинам он не выехал на тоннель, а остался в Москве. Попав к дежурному по приемной, он стал объяснять, что должен по важному делу увидеть Главнокомандующего. Но никакие объяснения не помогали.

Только после долгих уговоров Макаренко добился того, что его принял помощник начальника отдела механизации.

Через час помощник провел Макаренко к начальнику, а еще через час он уже сидел в кабинете начальника штаба Главнокомандующего.

В конце дня инженер Макаренко выходил от Главнокомандующего. Челюсти его были сжаты, глаза блестели.

5.

СМОТРИТЕЛЬ ПОДЗЕМНОГО САДА

Начало войны застало Аркадия Михайловича в Тихоокеанске. Приказ о немедленном возвращении всех служащих тоннеля на свои посты профессор услышал по радио, и немедленно поспешил к вокзалу подземной железной дороги. Его встретили «лесничие». Они были немного обеспокоены: не все в порядке с воздухом. Вентиляция работала недостаточно хорошо, не хватало свежего воздуха.

— А где Черепашкин? — спросил Аркадий Михайлович.

— Куда-то пропал уже несколько часов назад. Вообще, он в последнее время здесь почти не бывает. Чаще всего — где-то наверху. Заглянет сюда на минутку, и снова его несет на поверхность.

Профессор взглянул на приборы, показывающие химический состав воздуха в подземелье. Кислорода было значительно меньше нормы. Совсем скверно с влажностью. Количество и качество воздуха зависели от воздушного хозяйства сектора тоннеля. Сектор подчинялся Самборскому, и профессор решил немедленно обратиться к инженеру, чтобы тот распорядился наладить вентиляцию на территории бывшего верхнего озера.

— Очень рад вас видеть, — сказал Самборский, пожимая руку профессору. — Вы знаете, была уже попытка бомбить нашу магистраль. Бросали специальные бомбы весом в две тонны. Они зарывались на метров 70—100 и там... спокойно оставались. Кстати, ни одного прямого попадания в зону над тоннелем!

— С вентиляцией же трудновато, — пояснил инженер. — Все внимание сосредоточено сейчас на помповых работах. Мы должны работать над тем, чтобы в тоннеле абсолютно не было воздуха, это значительно ускоряет движение поездов, а от этого сейчас зависит судьба войны. Но я думаю, что вентиляцию можно будет восстановить. Сейчас распоряжусь. Кстати, я должен подняться на поверхность.

Они распрощались.

Аркадий Михайлович проходил по подземельям, где еще недавно наводнение угрожало его жизни. Тогда это были грубые, полуосвещенные пещеры. Необлицованные стены и потолки тогда производили впечатление чего-то хаотичного и страшного. А теперь здесь полно света, много зелени. Он прошел мимо стены, за которой лежали рельсы прямого безвоздушного пути Москва — Тихий океан.

Сквозь стену долетало грохотание электропоездов. За стеной проходила гигантская воздушная шахта, через нее подавался воздух на подземный вокзал. Приближаясь к шахте, Аркадий Михайлович заметил человека, выскочившего из-за выступа стены, и сразу побежавшего вглубь тоннеля. Профессор сразу же узнал смотрителя подземного сада Ивана Семеновича Черепашкина.

— Черепашкин! — закричал профессор.

Но смотритель, не оглядываясь, побежал еще быстрее. Аркадий Михайлович еще раз позвал его, но тот не останавливался. Профессор и сам было побежал за Черепашкиным, встревоженный его странным поведением. Вдруг Черепашкин бросился в технический ров. Рядом шли два человека, очевидно, рабочие тоннеля. Но как только профессор побежал к месту, где лежал Черепашкин, как вдруг позади прогрехотал взрыв. Профессор увидел, как перед ним падают рабочие, и почувствовал, что его тоже швыряет на пол какая-то невидимая сила.

УРАГАН

Самборский хотел увидеть Кротова, работавшего теперь на поверхности, где помещалась контора воздушного хозяйства. Надо было договориться о бесперебойной работе воздушных насосов, которые выкачивали то небольшое количество воздуха, которое разными путями просачивалось в тоннель и тормозило движение сверхбыстрых поездов.

Самборский был уже на полпути между подъемной станцией и вентиляционными шахтами, когда вдруг что-то сильно толкнуло его и повалило на землю. Он хотел встать, но сильный поток воздуха продолжал прижимать его к земле.

Инженер успел взглянуть на лес и поселок, откуда долетал какой-то грохот, и увидел, что лес полег, словно высокая трава в поле во время бури. В воздухе над лесом летели листья и ветки, а над поселком взлетали крыши, которые срывал порыв неожиданного урагана. С грохотом обрушились трубы вентиляционной шахты. Обломки их поглотила пропасть.

Прошло несколько минут. Самборский вскочил на ноги и увидел, как навстречу ему бежал Кротов, вытирая окровавленную голову.

— Катастрофа! — прокричал Кротов. — Воздух провалился в туннель.

Самборский с ужасом думал о том, что разрушительная сила огромной массы воздуха может привести к катастрофе с поездами, которые на огромной скорости неожиданно встретят могучий воздушный поток.

— Скорее радируйте в Иркутск, — крикнул Самборский, — и спешите в тоннель! Сейчас же вызываю санитарную и спасательную службы.

На самом вокзале, через который, собственно говоря, «прошел» весь воздух, который прорвался в тоннель, Самборский нашел несколько десятков легкораненых людей. Гораздо хуже должно было быть в туннеле. Воздух мощным потоком ворвался в подземелье, и первые поезда, которые встретились на его пути, так затормозили свое движение, что передние вагоны с треском ломались друг о друга, а их обшивка плавилась. Из уцелевших пунктов службы диспетчерского движения извещали о пожарах на двух поездах. Не менее десяти поездов потерпели серьезные аварии.

С соседних подземных вокзалов отправлялись санитары. Несколько часов заняла расчистка путей от поврежденных поездов, втягивание их на подземные вокзалы и на запасные пути. Рабочим здесь уже не нужны были специальные маски: воздуха было достаточно, и это облегчало работу.

Через несколько часов после катастрофы аварийные работы были в разгаре, и Самборский осматривал прорванную взрывом перегородку между вентиляционной шахтой и туннелем, давая указания, как ее заделать.

"Как же тут произошел прорыв?" — спрашивал он себя.

Мелькнула мысль о диверсии. Иначе не могло быть!

— Тут из наших кто-то погиб, — сказал рабочий, что шел рядом, и показал на тело, лежащее в канавке.

Самборский наклонился и узнал профессора Довгалюка. Но профессор был жив. Он застонал, когда к нему прикос-

нулись, открыл глаза, узнал инженера и хриплым шепотом сказал:

— Задержите Черепашкина, он виновник взрыва...

7.

НА ФРОНТ

Томазян получил новое назначение. Его сняли с работы в прокуратуре и поставили начальником охраны большого участка подземного пути.

Ночью он прибыл в район катастрофы, немедленно осмотрел место, где произошел воздушный прорыв, и встретился с местными инженерами и рабочими. Самборский известил его о словах профессора Довгалока. Томазян съездил в больницу, где лежал Аркадий Михайлович, но не смог с ним поговорить, так как тот был без сознания.

Пришлось вернуться в тоннель и начать розыски Черепашкина. Один из лифтеров сообщил, что видел, как совсем недавно тот поднимался на поверхность. Томазян грыз от досады ногти, потому что чувствовал, что Черепашкина он в свое время «прошляпил». Он не уделил достаточно внимания одной мелочи, а именно — расхождению в показаниях Черепашкина с показаниями Догадова. Первый уверял, что Догадов оставил его одного, второй — что Черепашкин сам сбежал. Он поверил Черепашкину, представляя его себе мелким, ограниченным человечком, «маньяком», не могущим подняться выше мелочных собственных интересов.

Однако, раздумывать над этим не было времени. Черепашкин далеко убежать не мог.

По приказу Томазяна осмотрели все окрестности, и под одним камнем нашли странный шлем с каким-то устройством внутри и с наушниками для радио. Неподалеку, за бугорком, нашли и Черепашкина.

Черепашкин строил из себя, как и раньше, настоящего дурака и уверял, что не знает, откуда этот шлем. Кротов надел его на голову. Сначала он ничего не слышал, но, раз-

глядев внимательно шлем, нашел там что-то вроде маленькой антенки, и лишь приподнял ее над шлемом на несколько сантиметров, как услышал в наушниках какое-то гудение, а дальше стрекотание. Он явственно разбирал точки и тире азбуки Морзе.

Для Томазяна это открытие имело колоссальное значение. Бесспорно, Черепашкин был проворнее и страшнее, чем Догадов. Квалифицированный шпион сумел замаскироваться на долгие годы под личиной глуповатого человечка. Хотелось выяснить, знал ли что Догадов о Черепашкине. Томазян направил в Москву телеграмму к следователю, который заменил его, упрашивая дать знать Догадову об аресте Черепашкина и сообщить о том, какое впечатление это произведет на шпиона.

"Сообщение о разоблачении Черепашкина произвело на арестованного тяжелое впечатление. Он признается, что знал, кто такой Черепашкин, но утверждает, что узнал об этом совсем недавно, а именно — во время пребывания с ним в тайге», — говорилось в ответной телеграмме.

Томазян вызвал арестованного Черепашкина. Шпион поразил Томазяна переменами в своем облике. Глаза того светились по-другому. Они утратили прежнее глуповатое выражение.

Разговор со шпионом был короткий.

— Садитесь, — предложил Томазян и показал шпиону текст телеграммы. — У нас есть бесспорные доказательства того, что это вы совершили в подземелье взрыв; также, у нас есть ваш шлем с радиоустановкой. Наши специалисты сейчас расшифровывают то, что передается, очевидно, специально для вас. Советую вам не затруднять нам работу.

«Черепашкин» ответил:

— Я солдат. Разведчик. Ваш враг. Не имею права отрицать это. Вы меня уничтожите все равно, даже если я признаю свою вину и изложу тут все, что знаю. Но вы всегда будете для меня врагами. Мы воспитаны по-разному. Из меня вы не вытянете больше ни слова.

Поезда в наполненном воздухом тоннели уже шли регулярно, но скорость их не превышала 200 км в час. Так чрезвычайно упала пропускная способность тоннеля.

Утром из тоннеля позвонили, что выкачка воздуха закончена и электропоезда уже идут с полной скоростью.

Тарас выпросил у Черняка разрешение поехать вместе с корреспондентом радиотелеграфного агентства на фронт. Перед тем, как дать разрешение, Антон Павлович категорически приказал корреспонденту избегать опасных мест и оберегать парня больше, чем самого себя. Корреспондент смеялся, отвечая начальнику газетно-информационного отдела:

— Чего вы беспокоитесь? Парню недалеко до совершеннолетия. Закалять надо!

— Пожалуйста, закаляйте. Только... подальше от пуль и снарядов. Туда он еще успеет.

Батарея, куда прибыли Тарас с корреспондентом, была укрыта под высоким холмом. За десятки километров отсюда находились несколько наблюдателей, которые оповещали, куда надо направлять огонь, и докладывали о последствиях выстрелов. Сверху батарея была так замаскирована, что ничего не заметил бы и самый опытный летчик. Ночью даже огненные сполохи не взлетали над жерлами пушек.

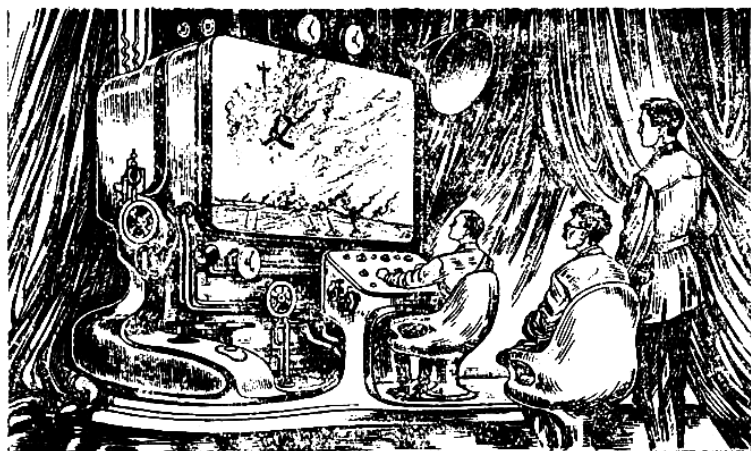
— Есть только один, новейший способ разведки, которого мы можем бояться, — сказал сопровождавший журналистов артиллерист, — это сейсмографическая разведка. Но есть основания думать, что она у них еще не налажена.

— Эти основания заключаются в том, — сказал журналист, — что вы еще целы?

— Не только! Видите, если даже они обстреляют нас, то это еще не значит, что нас уничтожат. Мы слишком глубоко под землей и под слоем железобетона. Но снаряды из пушек такого же калибра, как наши, могли бы нам нанести урон. А о том, что место расположения нашей батареи им неизвест-

но, свидетельствует тот факт, что до сих пор в радиусе до трех километров от нас разорвались всего лишь два вражеских снаряда.

Близко к пушкам Тарас с корреспондентом не подходили, да и сами артиллеристы к ним не приближались. Пушки, оказалось, работали «сами». Точные автоматы обслуживали их. Людям оставалось лишь переводить соответствующие рычаги.

На экране специального электрокиноскопа командир батареи показывал гостям участок фронта, к которому относилась его часть. Где-то далеко работали специальные стереотрубы, от которых по проводам передавалось сюда изображение поля боя. Поле поразило Тараса своей пустотой. Кроме взрывов снарядов, он не заметил там ничего.

Неожиданно зазвонил телефон: вызывали Тараса Чутя.

— Говорят из штаба корпуса. Вас давно разыскивают. Есть приказ штаба Главнокомандующего немедленно отправить вас в Москву, в распоряжение инженера Макаренко.

8.

НОВОЕ ОРУЖИЕ

В штабе корпуса Тарасу вручили телеграмму-вызов и немедленно отправили в Москву.

В Наркомате оборонной промышленности Тарас встретился с Самборским. Только успели они позжать друг другу руки, как дверь распахнулась, и в зал, где были, в основном, только литостатчики, вошли два военных инженера.

— Товарищи, — сказал старший из них. — По инициативе инженера Макаренко Главное командование решило применить для борьбы с врагом литостаты. И враг, и мы закопались глубоко в землю. Враг уже предпринимает попытки подкапываться под наши укрепления, закладывать мины и взрывать их. Мы хотим серьезнее взяться за это. Подземная борьба будет иметь решающее значение в войне. По приказу командующего подготавливаются два отряда подземных кораблей. Подготовка первого отряда поручена инженеру Макаренко, а второго — инженеру Самборскому. Итак, поздравляю вас с поступлением на военную службу. Товарищ сейчас отвезет вас на завод, где уже работает Макаренко.

На заводе Тарасу пришлось работать над переоборудованием одной из крупнейших машин — «С-18». Ее вооружали двумя сорокасантиметровыми пушками, десятью подземными минными аппаратами, полусотней пулеметов. Самыми страшными должны были быть автогранатометы.

Броня литостатов немного уступала броне морских боевых кораблей, но была менее уязвима. Это — одно из достижений Макаренко.

Большие литостаты, превращенные в боевые машины, довольно медленно пробивали грунт. Для того, чтобы была возможность быстро ремонтировать поврежденные кабели, подвозить снаряды и выполнять различные вспомогательные работы, приспособили малые литостаты.

Здесь, в цехах, доделывали эти литостаты, приспособляли к бою, а потом выпускали один за другим в подземные литогаражи. Количество готовых машин непрерывно увеличивалось. Командование решило бросить сразу несколько сотен машин.

...Прошло две недели. На пятнадцатый день Макаренко сказал Тарасу, чтобы тот пару дней отдохнул, так как близятся важные события. Тарас понял, что речь снова идет о командировке на фронт.

9.

ЗЕМЛЯ ЗАШАТАЛАСЬ

Линия Одина протянулась на несколько тысяч километров. На линии этих укреплений взрывались тяжелые снаряды советской артиллерии.

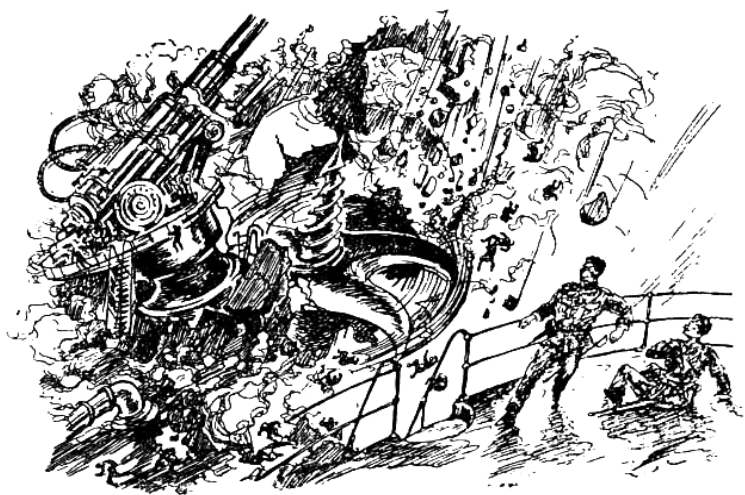
Последние несколько дней артиллерийская дуэль происходила с особой силой. Майор Том Смитс, который командовал тяжелыми пушками в секторе № 5, уже дважды прочищал дула своих пушек, которые забивались после сотого выстрела. Наблюдатели сообщали своему командиру о чрезвычайно удачных действиях батареи, и майор удовлетворенно улыбался, уверенный в том, что именно он подготавливает место для прорыва фронта красных.

Вдруг с наблюдательного поста, где работали новейшие сейсмопеленгаторы, сообщили, что там фиксируют сейсмические сотрясения земной коры, не связанные со стрельбой.

— Чушь! — пробормотал майор.

В подземном каземате дрожали от канонады стены, пол и потолок, но люди чувствовали себя в полной безопасности. Желаящие могли слушать радио. Откуда-то с тыла пересылали военную информацию о значительных победах авиации Объединенных Государств, об успешном наступлении на Дальневосточном фронте, где советские войска якобы сдавали город за городом.

Хорошо чувствовал себя майор Том Смитс. Вдруг его потрянуло: он почувствовал, как зашаталась земля. Каземат начал проседать на один бок. Вокруг с грохотом рушились помещения, перестали стрелять тяжелые пушки его батареи. «Неужели у большевиков нашлись такие колоссальные снаряды, которые пробились на эту глубину?» — подумал он. Но звуков взрыва, который должен был бы сопровождать падение такого снаряда, он не услышал. Вдруг обрушился выход из каземата — бежать стало некуда.

Солдаты не знали, что им делать. Тогда майор вспомнил о своем долге и дрожащим голосом закричал: «Спокойствие!» Но в это время словно «лопнул» пол каземата, и вдруг что-то огромное и ужасное стало вылезать оттуда, начало разрушать подземную крепость, и перепуганные

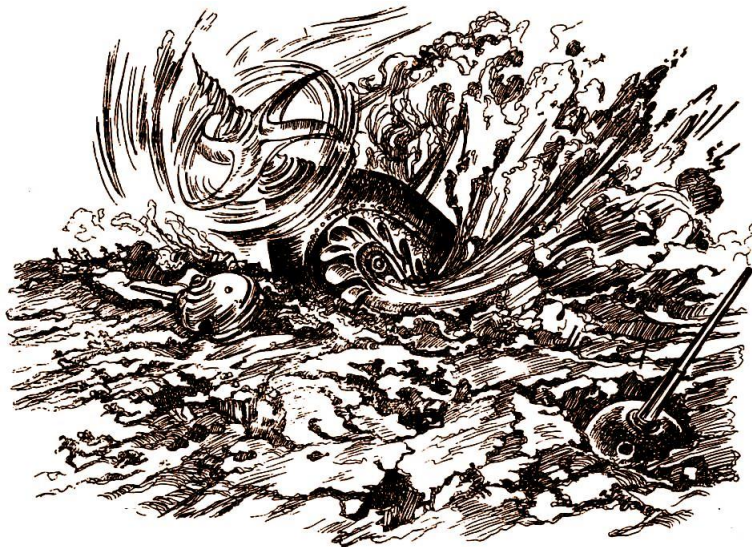
солдаты погибли, даже не узнав, что это боевые советские литостаты двинулись на прорыв линии Одина.

10.

ПОДЗЕМНАЯ АТАКА

В эту ночь, к месту, отстоящему на восемь километров от фронта, были подвезены две бригады литостатов. Старшим инженером в первую бригаду командование назначило Макаренко, во вторую — Самборского. Макаренко сопровождал Тарас Чуть.

В темноте все машины, одна за другой, ушли под землю. Вся бригада двигалась быстро, и вскоре миновала передовую линию врага, ибо шла на значительной глубине. Литостаты выходили оттуда, откуда их никто не ждал, и это делало их страшным оружием.

Литостаты пошли вверх, сокрушая цемент и железобетон, ломая лафеты орудийных башен. Из-под земли с грохотом и ревом выползали страшные чудовища. Одни из них

снова зарывались в землю, другие открывали смертоносный огонь с тыла по линии фронта и по тыловым частям. Так происходил прорыв фронта на линии протяженностью в десять километров. А дальше, в пятидесяти километрах к северу, такой же прорыв совершала вторая бригада.

Спустя полчаса врага охватила паника. Тотчас же с советской стороны хлынули танки, за танками — механизированная пехота, а потом, обгоняя ее, помчались грузовые машины с механизированной конницей. Впереди всех неслись штурмовые самолеты, преследуя врага. Молчали вражеские зенитные пушки, потому что одни проваливались в пустоты, проделанные литостатами, другие были раздавлены или остались без расчетов, которые ударили, смертельно испуганные.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В течение месяца линия фронта откатилась на тысячу километров и превратилась в оборонительные «островки». Гремели последние залпы небольших крепостей, которые сдавались одна за другой.

Но вот, боевые машины Красной Армии оказались перед последней, только что построенной линией обороны врага, которую непрерывно возводили в течение нескольких лет.

Как всегда, наступление началось утром. Литостаты стояли, готовые к атаке, глубоко зарывшись в землю. Здесь враг построил подземную железобетонную стену толщиной в десятки метров, глубоко закопал фугасы, проложил специальные электрические заграждения.

Но ничто не может сдержать движения литостатов. Они, правда, вынуждены пробиваться медленнее. Часть из них оказывается повреждена, но большинство прорывается сквозь последнюю оборонительную линию и разрушает ее. Когда флагманская машина выползла на поверхность и командир начал в перископ искать объекты для обстрела, то увидел бегущих людей и несколько белых флагов, что развевались в воздухе.

Флагман не дал ни одного выстрела.

Внезапно над головами загудели самолеты. Это были вражеские бомбовозы. Они стали сбрасывать многотонные бомбы. Быстро закрываются кабины литостатов. Одни машины спешно погружаются под землю, другие открывают огонь из своих зениток. Но дежурный радист передает флагману: приближаются советские самолеты.

Смолкает зенитная артиллерия. Под облаками грохочут лишь маленькие пушки истребителей. Они быстро разгоняют вражеские самолеты.

После воздушного боя несколько истребителей приземляются неподалеку от литостатов. Из большого трехмоторного флагманского истребителя выходит командир и идет к

флагманскому литостату. Ему навстречу выходит командир первой бригады литостатов.

— Полковник Шелемеха! Приветствую! — окликает командир бригады, узнав летчика.

— Поздравляю, товарищ комкор, с победой, — отвечает полковник. — Вызывайте вашу команду. Война окончена!

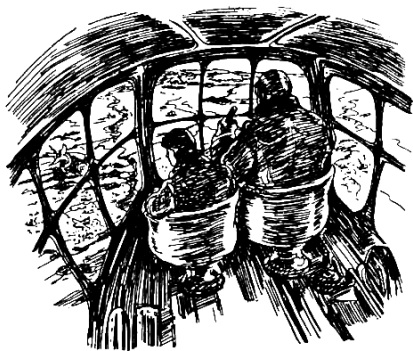
Радио из столиц побежденных государств сообщало о восстаниях и государственных переворотах. Фронт окончательно разваливался. Враг на востоке обратился с просьбой о мире.

— Товарищ комкор, — сказал Шелемеха, — я имею приказ командования отправить в штаб армии одного вашего бойца, Тараса Чутя.

Тарас перешел к Шелемехе во флагманский самолет. Пилот дал газ, и самолет поднялся в воздух. Парень примостился у окошка командирской кабины, смотря вниз на поле кровавой битвы и на черные великаны — литостаты. В памяти мальчика всплывали воспоминания о последних годах.

Перед его глазами представляли образы прекрасных старших друзей, героев, встречавшихся на его пути. Он погрузился в мечты, которые всегда окрыляли его и его друзей — завоевателей подземных глубин.

Самолет мчался, все ближе и ближе подлетая к границам родной земли.

Конец